

Комитет по культуре и искусству
Администрации Курганской области
Курганская областная универсальная научная
библиотека им. А. К. Югова

ТРЕТЬИ ЮГОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тезисы докладов и сообщений

Курган
2002

ББК 83,3(2Рос=Рус)6
Ч-52

Третьи Юговские чтения: тезисы докладов и сообщений
/ Курган. обл. универс. науч. б-ка им. А. К. Югова. – Отв. за
вып. С. Е. Золотых. – Курган, 2002. – 91 с.

Материалы печатаются в авторской редакции

Ответственный за выпуск С. Е. ЗОЛОТЫХ

Выражаем сердечную признательность за издание третьих Юговских чтений Манило Ивану Ивановичу, Президенту Курганского научного центра Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, директору Информационно-аналитического центра по проблеме уничтожения химического оружия, заслуженному изобретателю Российской Федерации

Юговские чтения в областной универсальной научной библиотеке им. А. К. Югова

Стало традиционным в Курганской областной универсальной научной библиотеке им. А. К. Югова (КОУНБ) проведение Юговских чтений, посвященных памяти писателя-земляка, мастера исторического романа, борца за чистоту русского языка Алексея Кузьмича Югова.

ПЕРВЫЕ ЮГОВСКИЕ ЧТЕНИЯ, посвященные 90-летию писателя, состоялись 20 марта 1992 г. В их работе приняли участие преподаватели кафедр литературы, русского языка, истории России Курганского государственного университета (КГУ) и Шадринского государственного педагогического института, писатели, краеведы, научные сотрудники музеев, архивов, работники библиотек.

Большую помощь в подготовке чтений оказали преподаватели КГУ М. Д. Янко – профессор, лично знавший А. К. Югова, и Н. Ф. Емельянов – профессор, председатель областного общества краеведов, И. П. Яган – писатель. Почетными участниками Первых Юговских чтений стали Татьяна Алексеевна Серебровская, дочь писателя, и ее муж – Владимир Павлович Серебровский, ответственный секретарь комиссии по литературному наследию А. К. Югова, приехавшие из Санкт-Петербурга в Курган. «Журнальные варианты романов А. К. Югова» – тема выступления В. П. Серебровского. Воспоминаниями об отце поделилась дочь писателя Т. А. Серебровская.

Продолжением Юговских чтений стала телевизионная передача в цикле «Нарышкинские пятницы» Дома-музея декабристов.

ВТОРЫЕ ЮГОВСКИЕ ЧТЕНИЯ, посвященные 95-летию со дня рождения Алексея Кузьмича Югова, состоялись в библиотеке 27 марта 1997 г., в которых приняли участие Любовь Владимировна Серебровская – внучка Югова, Алла Алексеевна Смирнова – преподаватель, кандидат филологических наук из Москвы; ученые Курганского государственного университета, работники музеев, библиотек, архивов, писатели, краеведы, преподаватели школ, студенты.

На «Юговских чтениях-97» прозвучал доклад А. А. Смирновой, защитившей диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Художественная проза Алексея Югова 40-60-х годов». Замечательным дополнением по теме стали доклады ученых КГУ В. П. Федоровой – доктора филологических наук, профессора, В. В. Менщикова – кандидата исторических наук, и Г. Ф. Мясникова – кандидата филологических наук; выступления писателей, преподавателей школ, сотрудников музеев, архивов, библиотек.

Второй день чтений был посвящен встречам в Каширинском литературно-краеведческом музее, где хранится память о писателе-земляке. Возглавляет музей Андрей Дмитриевич Белоусов, отец которого состоял в переписке с писателем. В Каширино была организована конференция с участием школьников, изучающих творчество писателя-земляка.

Завершающий день чтений был посвящен встречам в комитете по культуре и искусству администрации области, в музеях города Кургана.

ТРЕТЬИ ЮГОВСКИЕ ЧТЕНИЯ состоялись в Курганской областной универсальной научной библиотеке им. А. К. Югова 22 мая 2002 г. Почтить память знаменитого писателя второй раз в Курган из Москвы приехали Л. В. Серебровская – филолог, внучка писателя, и А. А. Смирнова – кандидат филологических наук.

Третьи Юговские чтения были открыты директором КОУНБ им. А. К. Югова. С приветственным словом к собравшимся обратились Л. Ф. Артемьева – зам. председателя областной Думы, и В. Н. Денисова – зам. председателя областного комитета по культуре и искусству администрации Курганской области. В них приняли участие ученые Курганского государственного университета, писатели, научные сотрудники музеев и архивов, работники библиотек, краеведы и люди, лично знавшие писателя, встречавшиеся с ним: Г. П. Устюжанин, Л. П. Осинцев, В. Я. Божко. Все выступающие с особой теплотой говорили о творчестве Алексея Кузьмича Югова, его выдающемся вкладе в развитие культуры, сохранение национального языка, национальных традиций.

Участники чтений посетили «Музей книги», расположенный на третьем этаже библиотеки, получили в подарок библиографический указатель «А. К. Югов», подготовленный специалистами КОУНБ к 100-летию писателя.

Гости Юговских чтений побывали в Куртамыше, в с. Каминское – на родине писателя, в очередной раз – в с. Каширино, в литературно-краеведческом музее им. В. К. Кюхельбекера. Надолго останутся в памяти удивительные встречи с людьми, которые свято чтут все, что связано с именем знаменитого земляка.

С. Е. Золотых,
директор КОУНБ им. А. К. Югова,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

В. П. Серебровский,
г. Санкт-Петербург

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Когда знатоки и почитатели творчества Алексея Югова обсуждают его произведения, то труднее всего им достичь единства в вопросе, какой же труд Югова является вершиной его творчества или наибольшей его заслугой перед читателями. Одним представляется самым значительным эпопея-дилогия «Страшный суд», другим – исторический роман «Ратоборцы», третьим – поэтический перевод «Слова о полку Игореве» и прочтение «темных мест» поэмы, четвертым – «Думы о русском слове». Эти споры позволяют сделать два важных вывода. Первый: творческая палитра Югова многообразна, круг его интересов весьма широк. И второй: каким бы делом ни занимался Алексей Кузьмич, он делал его очень тщательно, не жалея труда, вкладывая в него весь свой талант

Однажды во время встречи со школьниками Курганской области писателя приняли в «почетные пионеры», и это слово для Югова глубоко символично. Ведь *пионер* – это *зачинатель, новатор, первопроходец*. Эти характеристики как нельзя лучше отражают творческую деятельность Алексея Югова. Он выбирал для своих произведений неизвестные ранее темы и сюжеты, вводил героев, которые ранее не встречались в литературе. В рецензиях на его труды неизменно встречаются слова «впервые», «первый». Страстный публицист, он был *зачинателем* ряда обсуждений и дискуссий на медицинские и языковедческие темы. Это стремление к путешествию в неизведанное легко проследить на протяжении всего его жизненного и творческого пути.

Родился Алексей Кузьмич в 1902 году в селе Каминское нынешней Курганской области в семье волостного писаря. За год до наступления школьного возраста Алеша уговорил отца разрешить ему посещение первого класса, и был принят в качестве «вольнотрушателя». Ему было поставлено одно условие: не мешать старшим заниматься. Но вскоре учительница и одноклассники были поражены феноменальными способностями мальчика. Читал он

много и охотно, хотя и бессистемно. Перечитывал годовые подборки журналов, сложенных на чердаке. Так формировалось его мировоззрение. К удивлению родителей он вдруг объявил себя вегетарианцем, отказался есть мясные блюда. Ребята постарше дразнили его: «А ведь ты носишь поясок из кожи, да и ботинки сделаны из кожи бедных животных». В ответ на это Алеша стал бегать босиком и подпоясываться веревкой. А взрослым, посмеявшимся над ним, заявил, что найдет себе защиту – убежит ко Льву Толстому. А ведь ему тогда не было полных восьми лет. В этом же возрасте сложилось его твердое намерение в отношении будущей специальности. «Хочу быть врачом и писателем», – объявил родным мальчик. И хотя учеба и формирование мировоззрения Югова пришлось на года, богатые крутыми поворотами, он твердо следовал принятому в детстве решению. Академик Петр Дмитриевич Горизонтов, учившийся с будущим писателем в Курганской гимназии, вспоминал, как они выпускали рукописный журнал «Весна», редактором и основным автором которого был Алеша Югов.

Став студентом Одесского медицинского института, Югов активно включается в творческую жизнь города, регулярно публикует свои стихи, выступает с ними на поэтических вечерах. Широко известен случай, когда летчики на поврежденной машине жертвуют жизнью, чтобы предотвратить гибель людей на земле, и успевают отвести самолет подальше от города. Но мало кто знает, что именно такое событие описано в поэме Алексея Югова «Летчики». Опубликовано было это произведение в Одессе в 1923 году – вполне вероятно, что это первая в стране поэма, посвященная авиации.

Хотя Югов был тогда еще очень молод, а окружающие и друзья признавали его талантливым поэтом, его клонило к «суровой прозе». Вскоре в столичном журнале «Красная новь» появилась первая повесть начинающего писателя «Повествование жизни Макара Мартецова», отразившая несколько эпизодов гражданской войны. Подобно тому, как дебют актера иногда определяет всю его творческую биографию, так и первый прозаический опыт Алексея Югова оказал решающее влияние на всю его дальнейшую судьбу.

Тот номер журнала открывался романом Горького «Дело Артамоновых», а следом за ним была помещена повесть Югова. С этого времени Горький обратил внимание на начинающего автора и заочно следил за ним. В 1927 году Югов закончил медицинский институт и поехал работать врачом в Сибирь. Вскоре в журнале «Сибирские огни» появились два его рассказа – «Прилепышек» и «Бывший город», а затем сравнительно короткий по нынешним понятиям научно-фантастический роман «Безумные затеи Ферапонта Ивановича». Всего четыре прозаических произведения. Легко было понять, какой неожиданной радостью стало для молодого врача, начинающего художника слова увидеть свою фамилию в статье М. Горького в газете «Известия» (11 сентября 1928 г.). Горький подверг резкой критике составителей литературного энциклопедического словаря «Писатели современной эпохи». Вот выдержка из этой рецензии: «Сергеев-Ценский, Пришвин из года в год печатаются в советской прессе, но в словаре их нет. Кроме этих двух крупнейших художников, нет в словаре А. Толстого, К. Федина, М. Слонимского, Сергея Григорьева, Валентина Катаева, Ивана Вольного, Сергея Семенова и многих других весьма видных литераторов. Нет сибирских писателей Зазубрина, Итина, Югова, Нины Смирновой, но напечатаны биографии литераторов, не издавших ни одной книги».

Не вызывает сомнения, что перечисленные выше повести и рассказы Югова были высоко оценены Горьким и дали ему основание проявить участие к творческой судьбе молодого сибирского писателя. В 1930 году Югов принимает предложение сотрудничать в журнале Максима Горького «Наши достижения» и переезжает в Москву. Вскоре появляются его первые очерки «Бой туберкулезу» и «Институт большого человека» о великом физиологе Иване Петровиче Павлове. Югов навсегда оставил официальную врачебную практику, но с медициной не расставался до последних своих дней, увлекаясь главным образом малоизвестными ее областями – гипнозом, травоведением и гомеопатией. Во всех произведениях Югова среди действующих лиц непременно сыщутся врачи.

Написав по поручению Горького несколько очерков о Павлове, Алексей Югов создает затем *художественно-документальную повесть* о великом ученом. Любопытно мнение писателя Петра Павленко о жанре этого произведения («Литература и искусство», 17.06.44). «Книга о Павлове принадлежала к тому трудному и мало разработанному у нас жанру, который очень многих смущает своей расплывчатостью и неопределенностью, когда почти невозможно сказать, – роман ли перед вами или произведение публицистическое, научно-популярное, очерковое. Книги покойного Ст. Цвейга, его мастерски написанные биографии Фуше и Марии-Антуанетты и книга о Магеллане до некоторой степени успокоили приверженцев «чистых форм» в искусстве, и А. Югову, ко времени появления его «Павлова», уже не пришлось доказывать, что он художник, а не популяризатор. И все же новизна жанра была невольной причиной того, что эту умную книгу критика приняла далеко не с той восторженностью, с какой принимает она подчас даже посредственную повесть на заведомо сочиненную тему. «Павлов» – книга о русском гении, написанная рукой талантливого писателя, владевшего знаниями врача. Она является своего рода образцом художественной прозы, касающейся научных проблем».

В ту пору Югов ходил еще в «детских» и даже «молодых» писателях. И вдруг его книга – «образец художественной прозы, касающейся научных проблем». Не завышена ли эта оценка? Вот мнение одного из соратников И. П. Павлова, академика А. Д. Сперанского: «Поражает достоверность попыток проникнуть в суть некоторых настроений и событий, свидетелем которых автор не был. Объяснить это можно только *подлинно художественным даром автора* и еще трудом упорным и любовным, достойным дела, на которое он был потрачен».

Работая разъездным врачом на золотых приисках, будущий писатель столкнулся с романтической и вместе с тем весьма напряженной жизнью в тайге, с людьми интереснейших биографий. Он наблюдал их труд и быт и сам жил их жизнью. Впечатления тех времен никогда не покидали Югова, не давали ему покоя, и он взялся излить их в новом романе с первоначальным названием «Шапка Гиппократы» (окончательное название «Бессмертие»). Роман этот

начал печататься перед войной в июне 1941 года, а отдельным изданием вышел в 1944 году. Александр Фадеев в рецензии на роман «Бессмертие» писал: «Автор, несомненно, человек незаурядного таланта. Жизнь, быт приискателей в красноярской тайге показан так (и с такой стороны), как никто его не показывал».

В беседе с родными Алексей Кузьмич признавался, что самой значительной своей работой за полвека писательской деятельности он считает поэтический перевод «Слова о полку Игореве» и обоснованное толкование так называемых «темных мест» поэмы. Каждый переводчик «Слова» по сути является *пионером* этого крайне нелегкого дела. Еще Пушкин указывал на недостатки первых переводов: «некоторые места остались темны или вовсе невразумительны». Изучив старославянский и древнерусский языки и сравнивая все известные переводы и переложения с оригиналом, Алексей Кузьмич увлеченно и кропотливо исследовал текст этого гениального памятника древнерусской поэзии. По решительному определению Мариэтты Шагинян, Югов проделал работу «поистине гениальную по своим догадкам». Впервые оригинальный юговский перевод «Слова о полку Игореве» с комментариями автора и вступительными статьями академиков Б. Д. Грекова и А. С. Орлова вышел в свет в 1945 году. Александр Фадеев, заботясь о быстрой публикации этой книги, писал в письме: «Вскоре предстоит 150 лет со дня находки рукописи «Слова». Оно издается за границей. У нас же *единственно научный* (курсив мой – В. С.) перевод А. К. Югова, апробированный, задерживается по вине типографии!».

Наряду с восторженными отзывами (А. Фадеев, Н. Асеев, К. Чуковский, М. Шагинян и другие) были и скептические или попросту неодобрительные. Тем не менее, уже в самое ближайшее время многие из юговских прочтений стали широко применяться переводчиками «Слова» (ограничение текста «Золотого слова Святослава», отнесение слов «храбрый и молодой князь» к Борису, а не к Олегу, выражение «колдовская душа» и другое).

Работа Югова над «Словом» наглядно проявила прекрасное сочетание его таланта художника слова с незаурядными способностями ученого. В упомянутом издании «Слова» выдающийся литературовед академик А. С. Орлов писал: «...В

текущее время нет отрасли человеческого труда, которая не базировалась бы на научной основе; это мы наблюдаем и в среде творческих писателей. Творя как поэты, они являются в то же время и философами, и историками, и лингвистами. Нам кажется, что к этой категории может быть отнесен и тот переводчик, с которым мы совместно участвуем в настоящей книге «Слова о полку Игореве.»»

Отечественная война явилась жестоким испытанием для всего нашего народа и для каждого гражданина в отдельности. Алексей Кузьмич встретил известие о начале войны будучи тяжело больным, а осенью 1941 года он был контужен во время бомбежки Москвы и стал инвалидом 1 группы. Тем не менее писатель продолжает трудиться. Когда Госполитиздат запланировал серию брошюр «Великие борцы за русскую землю», на долю Югова выпало писать о Данииле Галицком. Для большинства читателей это имя прозвучало *впервые*. У Югова основательное знакомство с Даниилом Галицким (1202-1264) и его эпохой произошло еще в довоенные годы при изучении «Слова о полку Игореве», на страницах которого был воспет отец Даниила Галицкого Роман («А ты, буй-Роман, ты, Мстислав! – храбрая мысль стремится ваше сердце в битву!» и так далее). Брошюра «Даниил Галицкий» вышла в свет в 1944 году, в год освобождения всей советской территории и в том числе Галицко-Волынской Руси, как ее прежде именовали. Увлечшись этой темой, Югов приступает к роману о Данииле Галицком. Глубоко изучая эпоху Даниила, писатель не мог не встретить много интересных материалов и об Александре Невском. На время Югов-писатель уступает свой рабочий стол Югову-ученому. Его научное исследование о Данииле Галицком и Александре Невском было опубликовано в трудах Академии Наук СССР.

Результатом всей этой титанической работы было создание широко известного исторического романа «Ратоборцы», в котором достоверно и художественно изображены события XIII века, потрясшие Владимиро-Суздальское княжество и Новгород. Наиглавнейшим героем этой эпопеи является народ – градостроитель, пахарь и воин, который под предводительством Александра Невского и Даниила Галицкого вел тяжелейшую борьбу против вражеских нашествий с Востока и Запада. Александр Фадеев

писал в своей рецензии: «Достоинство этого романа в том, что он, в сущности, *впервые* открывает русскому – и, конечно, не только русскому – читателю малоизвестный и такой примечательный период русской истории, отмеченный двумя выдающимися государственными деятелями – Даниилом Галицким и Александром Невским. Югов впервые открывает эту страницу истории перед многомиллионным читателем, открывает ее во всеоружии знания и с присущим ему своеобразным талантом».

Могучая армия книголюбов знает Алексея Югова как романиста и по преимуществу как автора исторических произведений. Эпопеи «Ратоборцы» и «Страшный суд», детская историческая повесть «Отважное сердце» изданы более чем миллионными тиражами, не считая переводов на другие языки. Но наряду с этим Алексей Кузьмич живо откликался на текущие события, печатался в газетах и журналах. Все статьи писателя отличали его активная позиция, глубокое знание вопроса и высокая художественность излагаемого материала. Несколько раз Югов был зачинателем серьезных дискуссий на страницах «Литературной газеты», так, например, в 1948 году была опубликована его статья о необходимости удобных протезов для инвалидов войны, а в 1958 году статья о гуманизме в медицине, о роли слова врача при лечении больных.

Неустанно и темпераментно боролся Югов за овладение богатствами великого океана русской речи. Непреходящее значение для развития художественной литературы имели дискуссии, начатые статьями Югова «О народности писательского языка» («Нева», № 5, 1958) и «Эпоха и языковой пятачок» («Литературная газета», 1959). Поток писем от читателей разных профессий показал, что Юговым были подняты очень важные вопросы и что его борьба за самобытность русского языка стала явлением нашей отечественной культуры. Известно, что статьи в периодической печати быстро становятся библиографической редкостью и не доходят до новых поколений. К счастью, целый ряд газетных и журнальных очерков и статей Югова обрел долгую жизнь после того, как они были объединены в сборники «Думы о русском слове» и «Слово о полку Игореве».

Во время строительства Куйбышевской ГЭС на Волге в 1950-1955 гг. Алексей Кузьмич сам вызвался освещать в столичной печати ход этой стройки. Югов много общался с рядовыми рабочими и инженерами, принимал активное участие в работе многотиражки «Гидростроитель», где выступал как рецензент и автор статей, проводил занятия литературного кружка. Эти встречи дали писателю богатый материал для написания повести «Свет над Волгой» и романа «На большой реке» (1961), посвященного современникам. Примечательно, что и в этом произведении о строителях одним из героев является ученый-историк, а лекция о древнерусском князе Святославе, с которой он выступает в романе, является великолепным примером «вставной новеллы», сближающей нашу жизнь со славным наследием предков.

В 60-е годы писатель создает историко-революционную эпопею «Страшный суд», состоящую из двух романов: «Шатровы» (1967) и «Страшный суд» (1969). Эпопея охватывает события от революции 1905 года до разгрома колчаковщины. Место действия – преимущественно Зауралье и Сибирь. В центре повествования судьбы семьи тобольского промышленника Арсения Тихоновича Шатрова. В ткань повествования органично введены подлинные исторические лица – Я. М. Свердлов, С. С. Каменев, М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский и другие, а также представители противоположного лагеря – Колчак, генерал Сахаров, Гайда, Сыровой. Через события двух революций и гражданской войны проводит автор своих героев. Еще со времени создания «Ратоборцев» Югов зарекомендовал себя как один из зачинателей школы современного исторического романа. Работая над эпопеей «Страшный суд», он изучил огромное количество архивных материалов. Их использование могло бы обеспечить написание нескольких подобных произведений, однако Югов был принципиальным противником многотомий. Изучение архивов и мемуарной литературы нужно было писателю лишь для того, чтобы душой и сознанием проникнуть в глубь изучаемой эпохи и происходящих событий. Тщательное исследование разнообразных материалов, умелое их использование способствовало высокой исторической достоверности романов Югова. С этой точки зрения

представляет интерес мнение известного историка, члена-корреспондента РАН В. Л. Янина: «Писатель, работающий в жанре исторического романа, – если он не ставит свой жизненный опыт выше суммы объективных источников, – способен самый процесс исторического развития народа насытить живой тканью реальных образов. Он становится исследователем на том высоком уровне, который недоступен историку-профессионалу. И историк-профессионал получает возможность увидеть в живом воплощении то, что формируется им языком цифр, цитат, посылок и выводов. К числу таких писателей-исследователей относится Алексей Кузьмич Югов, романы которого помогли мне увидеть воочию то, что для меня всегда оставалось логикой сопоставления исторических фактов. Мне кажется, что наиболее значительным его созданием является эпопея «Страшный суд». Из нее я узнал много больше, чем прочел в десятках книг и статей, посвященных революции и войне в Сибири. Эпопея «Страшный суд» дает мне как историку реальное представление о движущих силах тяжелого общественного расклада и обнажает корни социальной психологии, без понимания которой и факты, и цифры мертвы...»

В послесловии к переводу «Страшного суда» на словацкий язык говорилось: «Роман Югова в русской и советской литературе является *первым* произведением, в котором тема чехословацкого корпуса в России и его участия в гражданской войне так широко раскрыта. ... Мы должны быть благодарны русскому писателю Югову не только за то, что он оживил тему о чехословацких бойцах в России в период гражданской войны, но и за ту чуткость, понимание и историческую достоверность, с которыми он это сделал».

Нельзя обойти вниманием языковое богатство, лексическое многообразие, столь характерное для всего творчества Югова. В зависимости от стоящих перед автором целей постоянно видоизменяется словарный состав, строй речи. Это справедливо не только для русского, но и для чешского языка. Чешский профессор Щадей отмечал в романе Югова «мастерство лингвиста, бережно и любовно обращающегося с языком, прекрасно знающего также чешский язык, его дух, его внутренние закономерности,

фразеологию, идиоматику. Последнее особенно заметно в диалогах чешских персонажей «Страшного суда».

«Страшный суд» – широкое и многоцветное полотно. Язык диалогии сочен и своеобразен, насыщен живой народной речью. Перед автором стояла трудная задача вместить в относительно небольшой объем необозримое количество фактов. Каким путем решал ее Алексей Югов? Об этом впоследствии говорил сам писатель:

«Разрешение задачи пришлось искать в особом построении романа, вплоть до членения на главы, возможно короткие, вплоть до выработки особо заостренных, а не случайных концовок и зачинов этих глав, – «одноарочный мост» переброса, способствующий сжатости повествования! Но это – «технология». Всего не перескажешь. Главнейшее же здесь – предельная нагрузка на слово. Художественность, как я считаю, – это *мыслеёмкость, точность и вещественность слова*».

Всюду *впервые, быть первым*, открывать новые пути – такова во все годы была жизненная позиция Алексея Кузьмича Югова. Многие открытые им темы и сюжеты впоследствии разрабатывались другими авторами с разной степенью успешности. Тем не менее, представляется интересным взглянуть на творчество Югова с позиции сегодняшнего дня, в год, когда писателю исполняется сто лет со дня рождения. Благодаря тому, что Алексей Кузьмич не гнался за модой или конъюнктурой, благодаря тому, как ответственно и тщательно относился он к каждому написанному слову, его книги не устарели. Основываясь на подлинных документах, он изображал жизнь во всей сложности и противоречивости, будь это события XIII века или годы гражданской войны. Неизменным для писателя всю жизнь оставалось одно – горячая любовь к Родине, бережное отношение к ее истории и культуре, и вера в великую судьбу России и ее народа. Именно поэтому произведения Югова остаются в памяти читателей и можно надеяться, что еще долгие годы будут представлять интерес для новых поколений.

А. А. Смирнова,
канд. филол. наук, доцент,
г. Москва

«ЯЗЫК САМ СОБОЮ ПРАВИТ»

Каждый писатель – это большой, интересный мир. Но есть писатели, мир которых огромен. К ним относится и Алексей Кузьмич Югов. Изучая его творчество, не перестаешь удивляться, насколько глубоко затронул он вопросы, связанные с вечными проблемами россиян. Это я поняла, когда познакомилась с Алексеем Кузьмичом в 1974 году (тогда я работала над диссертацией по его творчеству). Наши встречи выливались в откровения писателя о литературном творчестве, об искусстве, отечественной истории, о «русскости русского языка».

В своем докладе я хочу остановиться на тех беседах с писателем, в которых, на мой взгляд, Югов предстает перед нами как замечательный лингвист и патриот великого русского слова.

Попадая в большие российские города, слушая по радио и телевидению речи наших высокопоставленных чиновников или внимая «сленгу», на котором говорит наша молодежь, задумываешься, в какой же стране ты живешь, Россия ли это?! И тогда набатным колоколом-предупреждением звучат слова, сказанные в семидесятые годы Алексеем Кузьмичом Юговым: «Надо не плевать в этот океан и не налагать решетки меридианов и параллелей на наш язык. Русский язык – не эсперанто. Мы сонаследники его, а если и хозяева, то лишь вместе с нашими предками и потомками». В течение полувека, выдерживая даже оскорбления от лжелингвистов, Югов выступал, где только было возможно, за национальные традиции нашего великого достояния, за «русскость русского языка».

С досадой вспоминал он о «грамматоедах», которые многие русские слова стараются заменить иностранными или выбросить из языка совсем. «Зачем употреблять иностранные слова там, где прекрасно можно обойтись своими отечественными. Вместо «коммуникативная функция» почему бы не написать «связующая»?

– размышляет писатель. – Крысин, Скворцов, Суприн называют словами-паразитами модальные слова и присоединительные связи. Но если у Достоевского и Гоголя выбросить эти слова, писатели потеряют свою индивидуальность. Надо отличать законы языка от правил и не создавать свои законы. Язык сам собою правит», – так рассуждал Алексей Кузьмич. Затем писатель добавляет, вспоминая Гоголя: – «А поворотись-ка, сын, экой ты смешной какой» – только так и мог обращаться Тарас Бульба к сыну. Если убрать присоединительную связь «А», исчезнет благозвучие. Кстати сказать, люблю испанский и итальянский: они подлинно благозвучны.»

В русском языке Югова интересовало все: и история языка, и стиль писателя, и содержание словарей, и качество перевода. Особенно увлекало его исследование диалектов. За два года Югов тщательно изучил словарь Даля и пришел к выводу, что это лучший из всех созданных в России толковых словарей. Писатель выступает за расширение литературного языка: «... нарочита сама затея представить лексику русского языка, минуя все поговорки, пословицы, песни, загадки, присловья и разного рода фразеологизмы, на чем, однако, столь блистательно построил свой Толковый словарь Владимир Даль. Странная мысль: давайте, дескать, назовем «современным литературным языком» только то, чем успели воспользоваться литераторы! Тут знак равенства неуместен!» В этой связи писатель вспоминал великого Пушкина, который «расширил литературный язык в сторону «просторечия», введя, например, в свои произведения такие слова как «дровни», «тын», «визжать», «пора» и так далее. Поэт постоянно боролся против Греча, Каченовского, Сенковского и Булгарина, которые травили его за «просторечия». Югов вспоминает, что Сенковскому не нравился язык Дениса Давыдова, а Пушкин заступился за поэта-героя: «Сенковскому учить тебя русскому языку все равно, что евнуху учить Потемкина».

С возмущением говорил Алексей Кузьмич о редакторах, которые в конце девятнадцатого века «олитературивали» И. А. Крылова, заменив, к примеру, в басне «Пустынник и медведь» окончание родительного падежа «у» на «а», исказив тем самым крыловскую

рифму. С горечью приводил писатель примеры русских пословиц, смысл которых в современном русском языке искажен (часто по вине литераторов). Мы говорим: «Сила соломѹ ломит». Издревле пословица звучала так: «Сила **и** соломѹ ломит» – то есть, трудно переломить соломѹ, но может найтись такая сила, которая и соломѹ сломит. Подобное мы наблюдаем и в пословице «Делу время, а потехе час». На полях «Урядника сокольничьего пути» царь Алексей Михайлович написал так: «Делу время и потехе час». Союз «и» (вместо «а») изменяет многое: пусть время найдется и на потеху, то есть на соколиную охоту, которая воспитывала в мужчине ловкость и выносливость. Изменили смысл и таких пословиц, как «Басни соловья не кормят», «Лес рубят, а к нам щепки летят». Иногда писатель сетует на то, что пословицу укорачивают, и она теряет от этого образность. Так, мы привыкли говорить: «Пьяному море по колено», а первоначально пословица звучала остроумнее: «Пьяному море по колено, а лужа по уши». Алексей Кузьмич высоко ценил пословицы и поговорки русского народа и сам на них учился языку. Об этом свидетельствуют его слова: «Когда будут спрашивать, у кого учился Югов, приведите три-четыре пословицы».

Югов считал, что на Страшном суде каждого писателя будут заставлять читать все им написанное. Печалится Алексей Кузьмич, когда вспоминает о своем «любимом из любимейших» писателе Гоголе, который в угоду светскому обществу искажил благозвучие языка, заменив в повести «Тарас Бульба» (сцена смерти Остапа) слово «чую» на «слышу». В первом варианте звучало так:

«– Батько! Где ты? Чуешь ли ты?»

– Чую! – раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул.»

Во втором варианте, окончательном, мы читаем:

«– Батько! Где ты? Слышишь ли ты?»

– Слышу! – раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул.»

«Изменилось всего лишь одно слово, – говорит писатель, – а диалог Остапа с Тарасом потускнел, потерял свою выразительность». Интуитивно Гоголь это понимал. Ведь не случайно же первому изданию «Вечеров на хуторе близ Диканьки»

он предпослал словарик в 200 слов для «избранного общества», пренебрегавшего народным языком.

Неординарно подошел Югов к изучению языка в творчестве М. В. Ломоносова: «У Михайлы Ломоносова не читали письма к сестре? Какой яркий, самобытный народный язык! Вот вам и Ломоносов с его «высоким штилем!». И писатель, как бы выпевая каждое слово, читает мне письмо Ломоносова в далекий северный край.

А вот два непримиримых врага – Никон и Аввакум. С восторгом говорит Югов о «могучем языке» Никона, который в своих страстно-фанатических проповедях ничуть не уступает Аввакуму (литературный дар Аввакума общеизвестен). «Можно написать об этом большое историческое исследование!» – восклицает писатель.

Иногда с задорной лукавинкой, даже с чуть-чуть по-детски добродушным хвастовством, рассказывает Алексей Кузьмич о своих замечательных исторических изысканиях, связанных с древнерусским языком: «А я знаю, отчего умер Святослав. В летописи стоит слово «желвь». А оно имело два значения: «черепаша» (что и смущало переводчиков-исследователей) и «мозоль». Святославу срезали мозоль, и он умер от заражения крови».

Алексей Кузьмич считал, что нельзя понимать и знать русский язык, не изучив древнерусский. «Например, словосочетание «хочем умереть», – говорит писатель, – нельзя понимать буквально. По древнерусскому синтаксису это означает не желание умереть, а сообщение о том, что человек вот-вот умрет». Сам Югов прекрасно знал древнерусский язык, а в юности даже мечтал когда-нибудь сделать доклад на древнерусском языке на съезде писателей.

Писатель в недоумении от семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка», в котором для слова «Русь» отведено несколько строчек, в то время, как слово «фигура» разъясняется в пяти столбцах, а слову «фельдцехмейстер» и производным от него отдан чуть ли не целый столбец без пометы «устаревшее». Авторами словаря неудачно взята, по словам Югова, «ветхая, лживая, давно отвергнутая учеными» версия о норманнском происхождении Руси. В словаре под словом «Русь» мы читаем *«Русь. Наименование восточнославянской народности; сама эта*

народность. «Летописи придают им имя варягов, имя собирательное, коим означают они... всех обитателей Скандинавии, отличая в числе других варяжских народов отдельный народ: Русь.» Н. Полевой».

Алексей Кузьмич, как и многие писатели-классики, провозглашал всевластие слова: «Я фанатик слова. Слово сильнее всего в мире, сильнее атома. Мысль и слово абсолютно слиты, как круг, в котором единство выпуклости и вогнутости. Я – слуга слова». В романе «Ратоборцы» есть сцена битвы русских с татарами на реке Клязьме; эта сцена прерывается авторским лирическим отступлением о величии русского слова: «...слово, подобное и веянию ветра, и звуку смычка, и ропоту бора, и воплю ратной трубы, и грохоту землетрясений... могущее поколебать небо и землю...».

Страстно ратовал Югов за использование писателями сокровищницы народного языка. Причину засорения и обесцвечивания языка у ряда литераторов Алексей Кузьмич видел в отрыве от родной почвы. Начинающим писателям он советовал учиться у Шергина, Бажова и Писахова. Народное слово Югов впервые услышал на Тоболе, где «смешалось двадцать губерний». Но не только Сибирь дала силу юговскому языку. Пять лет Алексей Кузьмич жил на Волге, на грандиозной стройке ГЭС, где, по словам самого писателя, он, «как губка, впитал в себя слово из котлована языка русского».

В 80-е годы мне довелось побывать в Тольятти и встретиться с людьми, которые познакомились с Алексеем Кузьмичом Юговым во время строительства гидроэлектростанции. Заместитель главного механика И. К. Кириленко вспоминал, как три дня ездил с Алексеем Кузьмичом по стройке, все показывал. Писатель заинтересовался новой техникой – бульдозерами – и спросил: «А может ли бульдозер сосны валить?» И когда получил утвердительный ответ, то предложил вместо «бульдозера» дать машине другое имя – «струг».

Не понял Югова Солженицын, сказавший: «Югов создал словотворчество аж по-немецки». А писатель Лидин, наоборот, очень высоко ценил юговский язык. Однажды в Переделкино Лидин прогуливался по поселку с дочкой и, увидев Югова, сказал: «Не проходите мимо этого человека. Это он сам и есть русский язык».

Некоторые лингвисты обвиняли Алексея Кузьмича в пуризме, но это неверно. Литературовед Василий Ильин вспоминает об одной из бесед с Алексеем Кузьмичом: «Вы знаете, Василий Сергеевич, я не пурист. Я готов отстаивать право писателя на «неграмотность». Но какую? ... Вот у Гоголя в «Мертвых душах»: на бюро у Плюшкина лежал «лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха». Помилуйте, скажет иной грамматист, как можно о размере лимона сказать, что он «ростом не более лесного ореха»? Но попробуйте противоречащее грамматике *«ростом»* заменить *«размером»*. С точки зрения грамматистов, фраза станет правильной, но она много утратит в своей выразительности». (В. Ильин. Ст. в кн. «Воспоминания о Югове». «Сов. Россия», 1986, с. 152).

Триадой художественности слова Югов называет мыслиемкость, точность и вещественность. А триединство мысли – это семантика, синтаксис и мелодия, т. е. звукопись. Сам писатель замечательно выразил это в своих произведениях. В романе «Страшный суд» Югов мастерски использует многозначность слова, извлекая из него максимум эмоциональной и идейно-смысловой значимости. Так, слово *«крест»* употреблено в различных смысловых значениях. Давая характеристику мировой войне 1914- 1917 гг., автор ставит знак равенства между крестом-наградой и крестом на могиле. Младший брат солдата Степана Ермакова – Костя Ермаков – просит, чтобы Степан показал свой *крест*, полученный за отвагу. Это вызывает у старшего брата чувство гнева и озлобления: «Скоро деревянный увидите! Чему тут радоваться. Обман один! Надо им, проклятым, чтобы под могильны *кресты* шли ложиться – вот и надумали этими *крестиками*... одурачивать!» Это же слово *«крест»* обыгрывается в романе и в другой сцене. Ольга Александровна Шатрова, заведующая госпиталем, считая медицину святым делом, говорит Верочке Сычевой, которая собирается стать санитаркой, о тяжелой доле медицинского работника: «Только помни, помни, девочка, что этот красный *крест*... это очень и очень тяжелый *крест*».

Власть слова, его мыслиемкость используются автором «Страшного суда» для выражения взглядов, мировоззрения главных героев романа – Матвея Кедрова, ленинского посланца в Сибири, и

капиталиста Шатрова. Шатров верит в честных капиталистов. Отсюда и начинается спор.

«Шатров: Я и сейчас не утратил веры в *честный* русский промышленный капитал.

Кедров (язвительно переспросил): *Честный* или *частный*? Прости, я не дослышал.

Шатров: И то, и другое. И *честный*, и *частный*...!

Кедров. Так, так... И *честный*, и *частный*... случай не частый!».

Здесь игра слов, каламбур: «*честный – частный – не частый*» – позволяют писателю в коротком диалоге выразить глубоко важные для обеих спорящих сторон мысли.

Используя фразеологию, Югов в той же диалогии «Страшный суд» колоритно рисует зловещую фигуру Троцкого. Свой уход с поста наркома Троцкий объясняет так: «Я был в состоянии хирурга, который закончил трудную и опасную операцию: он *вымыл* руки, снял халат, и он хочет отдохнуть!» Но автор делает отступление-поправку: «Не то выражение: *не вымыл, а умыл* руки!» – так, используя фразеологическое сочетание и изменив лишь приставку у глагола, писатель дает нравственную оценку поведению Троцкого.

Одна из многочисленных художественных находок Югова – застольный словесный поединок между братьями Ярославичами, Александром и Андреем в диалогии «Ратоборцы» (младший брат – любитель хмеля), поединок посредством пословиц и поговорок, высказываний великих людей о вине, хмеле, пьянстве:

Невский: «Пьяному мужу и море за лужу, а лужа – по уши».

Андрей: «Лучше дубинное битье, чем бесхмельное питье».

Невский. «Питва – не битва».

Андрей: «Веселье Руси есть пити. Ино дело – пьянство злое, и ино дело питье в меру, и в подобное время, и во славу Божию».

Невский: «Но чуется мною, что цветы от дыхания твоего вряд ли расцветут! Да и ногами опять мыслете выводиться. «В вине и водке нет пользы для ума и художеств. Государь, жадный к водке и вину, не может произвести великих дел, мыслей и великих учреждений».

Андрей. «Если уж нет средства от пьянства, то должно напиваться в месяц три раза. Если один, то это еще лучше. Если

совсем не пить, что может быть почтеннее? Однако где ж мы найдем такое существо?»

Невский (произнес конец этого изречения, утаенный Андреем): «Но когда бы нашлось такое существо, то оно достойно всякого почтения...»

Мысли Алексея Кузьмича Югова о русском языке нашли отражение в книгах «Судьбы родного слова» и «Думы о русском слове». Проблемы выдвинутые писателем в этих сборниках, были настолько актуальны, что вызвали бурные дискуссии в 60-70-е годы прошлого столетия. Эти проблемы не менее значимы и в наше время, когда внелитературная лексика мощно хлынула на радио и телевидение, не говоря уже о «суррогатном» языке многих общественных деятелей. На мой взгляд, книга Югова «Думы о русском слове» должна стать настольной для каждого россиянина. В юговском архиве есть письмо Юрия Анатольевича Дьяконова, члена сценарной редакционной коллегии Управления по производству документальных, научно-популярных и учебных фильмов. Он дает высокую оценку Югову-филологу, с которой нельзя не согласиться: «Ваш патриотизм, Ваше подвижничество, блестящие исследования, умные, глубокие, страстные, – все это покоряет любящего нашу Россию, наш народ. Работаю я в кинематографии, и для Вас, конечно, не секрет, как тяжела здесь работа против засилья чуждого, наносного, а то и просто откровенно антипатриотического. Поэтому книга Ваша – как глоток чистого воздуха, придает силы и энергию. Спасибо Вам!».

И действительно, все творчество Алексея Кузьмича Югова – как «глоток чистого воздуха» в сложной современной духовной атмосфере.

В. П. Федорова,
д-р филол. наук, проф.,
Курганский государственный университет

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В РОМАНЕ А. К. ЮГОВА «СТРАШНЫЙ СУД»

Означенная тема выходит на проблемы природы творчества и народности. Определимся сразу: в романе А. К. Югова переплетены две ветви мифологических мотивов и образов. С одной стороны, в произведение вошла языческая мифология, а с другой - христианская.

Двоеверие – один из ведущих признаков народной русской культуры. История христианства в России – это вместе с тем и история борьбы его с язычеством. Принявшая христианство Русь до сих пор в глубинах своей памяти, в духовном бытии, в обыденной жизни сохранила великую языческую культуру. Недавно отмечалась Пасха – христианский праздник. А через неделю – во вторник на Фоминой неделе – было не пробиться к курганским кладбищам. Современный мир поминал «родителей» – умерших близких, устраивал на жальниках трапезу, «угощал» их крашеными яйцами, разными сладостями, христосовался: «Христос воскрес, Христос воскрес». При этом пасхальными яйцами водили по холмикам. Конечно, весь обряд совершается на ином мировоззренческом уровне, чем у наших предков, скажем XVII века, скорее по традиции, во имя памяти ушедших близких. Однако, что есть, то есть. Язычество – народная религия. Одно из значений слова «язык» – народ. Вспомним А. С. Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,

И назовет меня всяк сущий в ней язык.

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий

Тунгус, и друг степей калмык

(«Памятник»).

Отношения между язычеством и христианством исследованы еще Е. В. Аничковым (Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914) и Н. М. Гальковским (Борьба Христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916).

Современные исследования показывают, что эволюция религиозных представлений шла путем наслоения новых форм на старые, а не отмены старых. «Архаичные представления, возникшие на ранних стадиях развития, продолжали существовать, несмотря на то, что рядом с ними (так сказать, над ними) уже образовались новые наслоения» (Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 597-598).

Как бы упорно ни боролось христианство с язычеством, однако искоренить более старую и могучую культуру оно не могло, хотя и подточило ее, порой приспособив к своим целям. Так и идут вместе в наших душах христианство и язычество как единство противоположного, как известное языческое бинарное противопоставление.

Писатель А. К. Югов впитал эту особенность русского духовного мира. Вероятно, не столько от вычитанных знаний, сколько от самого бытия народа он ведет своего читателя к восприятию сложной духовности зауральцев, пронизанной двоеверием.

Вместе с писателем читатель входит в сложный период перелома времени: заканчивается девятнадцатый век, наступает двадцатый. Время в романе мифологически окрашено. Его переломы, переходные моменты считаются наиболее опасными. Характерные примеры: полночь и полдень – время активности враждебных сил (полуночницы, полуденницы и т. д.). Юговские герои живут на изломе веков, в пограничном временном периоде. Историческое, реальное переплетается с мифологическим, придавая сюжету напряженность. Заявка на характер времени определяет драматизм событий, требующих от человека правильного выбора, веры в себя, в человеческий разум. Ослабей человек, победит злая сила.

Писатель раскрывает перед читателями бытие мысли и жизнь сердца зауральцев, переживающих страшное время, зауральцев-христиан, сохранивших многие языческие верования и обряды и поступающих часто, хотя бессознательно, как истинные

язычники. Сплетение христианской и языческой мифологий создает особый художественный узор и придает произведению неповторимость.

Еще одно замечание: христианские мотивы в «Страшном Суде» открыты, видимы, как говорится, лежат на поверхности. Языческие – в основном запрятаны в глубины человеческого сознания. Они проявляются в романе чаще как архетипы – т. е. как неосознаваемое самим человеком эхо язычества.

Христианская мифология властно вошла в роман своим названием. Страшный Суд – суд Иисуса Христа над всеми народами, над живыми и вставшими из мертвых. По учению апостольскому, «всем нам должно явиться пред судилище Христово», «все мы предстанем на суд Христов». Судимы будут не только дела, но и слова людей (Евангелие от Матфея, 25:41). Вера в Страшный Суд в христианстве носит всеобщий характер. Страшный Суд – один из самых значительных образов в романе А. К. Югова. Он обрамляет события, что вместе с названием романа придает ему особое звучание и особое место в композиции произведения. Первый раз Страшный Суд упоминается в речи Арсения Шатрова, размышляющего о своем месте в зауральском крае и Отечестве. Уговаривая жену справлять ее именины, «старый» Шатров говорит: «Нет, дорогая Ольга Александровна, что касается трудов для Отечества, так Шатров твой и перед тем Страшным Судом спокойно предстанет, да и перед земным страшным судом – народа русского!» (Югов А. К. Страшный Суд. М., 1979. С. 10). Последний раз к образу Страшного Суда писатель обращается в сцене похоронного обряда, справляемого по Ольге Александровне: «И теперь в застывших перстах покойницы виден был белый платочек, вложенный нянею: чтобы стало, чем пот с лица утереть в час Страшного Суда» (С. 794). Между двумя ключевыми сценами идет Страшный Суд на земле.

Фразеологизм «Страшный Суд» в романе имеет метафорическое значение. Речь идет не о небе, а грешной земле с ее поисками чистоты, правды, смысла жизни, с ее святыми людьми и святотатцами. Содержание Страшного Суда в романе многогранно: суд социальный, суд нравственный, суд народный, суд одного человека над другим, собственный суд, требующий мужества и ума.

Читатель вправе не соглашаться с писателем, с тем, как герои вершат суд. Но книга есть, и о ней надо говорить.

А. К. Югов не следует апостольскому писанию. Он использует только мифологический сюжет о Страшном Суде как обновлении мира и очищении от грехов. Писатель далек от мысли, что революция – сплошное очищение душ и самой жизни. Отнюдь, отнюдь. Даже на самых высоких верхах власти авантюристы остаются авантюристами, присвоившими себе право преступно решать судьбы России, армий, людей. Ключом к пониманию названия романа и словосочетания «Страшный Суд» служат слова попка Ивана.

Обратимся к сюжету. У кого-то из местной комячейки, в связи с декретом о полном отделении церкви от государства и о конфискации всех церковных имуществ, возникла мысль использовать здание храма для ссыпки картофеля. Конфисковать не только земельные участки, но и всю церковную утварь, находившуюся в храме. Съездили в город – посоветоваться. Тогдашняя заведующая внешкольным образованием Вера Феклунич горячо поддержала инициативу местных товарищей: «Совершенно правильное решение, товарищи. Довольно нам либеральничать с этими очагами мракобесия». Этот комиссар в юбке явилась в храм «и притом изъяснялась столь неподобающе, что не только во храме, но и где-либо в злачном месте не подлежало бы так» (С. 512). Отец Иван поставил в притворе церкви гроб и лег в него на случай, если комиссар в юбке явится разорять храм. Лучше пусть в гробу застрелят, чем видеть надругательство над храмом. С этим попом и разговаривает Кедров. За стаканом чая сказал отец Иван знаменательные слова, «народ наш воистину Народ-Христос: не за себя, но за всех человек распинается». *Дело белых и дело красных судит народ-Христос. Народ определяет победу красных.*

Однако именем народа, Отечеством с обеих сторон прикрываются разные авантюристы, искатели себе светлого или просто заметного места, эгоисты и честолюбцы.

В соответствии с евангельским мифом об огненной купели – элементе Страшного Суда – Югов показывает земную огненную купель, в которой нет брода. Огненная река течет по России,

втягивая в себя всех. Но в отличие от евангельской купели, кровавая река революции и гражданской войны по-разному влияет на человеческие судьбы. Одни прозревают, очищаются, другие приспособляются, третьи звереют от власти, четвертые впадают в самые разные грехи. Кто-то гибнет, кто-то обогащается, кто-то как бы оголяется. Эта огненная река – межа, рубеж между прошлым и настоящим. Однако цена обновления жестока.

В диалогах Югова с мотивом Страшного Суда сопрягается другой – тоже Евангельский. Это мотив всезнания о человеке. В апостольских писаниях сказано, что на каждого человека заведена книга, в которую вносятся плохие и хорошие дела. Реализацию этого мотива обнаруживает, например, посмертное испытание души святой Феодоры. Без списка земных дел трудно определить место душе на том свете. Но всеведение о человеке утвердилось и на земле. Оно было и до революции. Замеченный в крамоле человек оказывался на таком крючке, что сорваться с него мало кому удавалось. Арсению Шатрову напоминают политический «грех» его молодости. Кедрову приходится прятаться на мельнице, скрываться в потайных местах по Тоболу. О нем власти помнят, его стараются поймать. Сменилась власть, но люди перед ней тоже беззащитны. Свитки о них, списки их дел есть в ЧК. Председатель ЧК – неистовый Копырников – наделен безграничными полномочиями, что дает ему право творить по своему произволу суд над людьми. Писатель характеризует его дело как метафору Страшного Суда.

Председатель ЧК знает о людях все. Все у него записано и занесено куда следует. Его попытки успокоить допрашиваемого комичны и страшны: «Не волнуйтесь, Арсений Тихонович. Нам касательно вас все досконально известно. Каждое ваше слово при колчаках, каждый шаг! Знаем все о Сергее, и как вы его встретили, и что собаками, сказали, травить будете, если хоть за плотиной покажется. Ну и все прочее нам известно. На том стоим!»

В свете названия романа товарищ Копырников является пародией на Христа, призванного вести Страшный Суд. Призванный революцией герой, утверждающий новую жизнь, искренне верит, что имеет право делать и говорить все, что поможет победить старый мир и наказать его. Он – судья, присвоивший себе безграничные

права. Говоря о сущности ЧК, писатель несколько отделяет ее деятельность от революционного движения народа.

Автор выступил с осуждением братоубийственной гражданской войны. А. К. Югов на стороне революции как средства обновления России. Однако он увидел, как революция вызвала гражданскую войну: «Чудовищно нелепым казалось, что где-то, даже и здесь, в этом городке на Тоболе, рядом, всего лишь через два-три квартала отсюда, есть, говорят, каменный дом, с глухим подвалом, где окна над самой землей заложены выбеленным кирпичом и где из ночи в ночь допрашивают и пытаются зачем-то и без того на умерщвление обреченных людей». Это про белых. Красные тоже творят свой суд – не менее ужасный. Ермаков гордится, что его пулемет «хорошо поработал». Правда, красные не прикрываются подобно своим противникам именем Христа, не предлагают своим жертвам перекреститься перед смертью. Так, офицер Гарпиев всегда непременно произносил «голосом негромким, спокойно-сумрачным, как бы погребальным: Перекрестись».

Формой Страшного Суда на земле является суд собственной совести, главного судьи. «Каждого своя совесть судит», – говорит Константин Ермаков капитану Гарпиеву. Это тоже ключевая фраза. Читатель с интересом вчитывается в истории суда совести героев. Судит себя Страшным Судом красавица Ольга Александровна Шатрова. Страшным Судом судит предателя Гуреева и себя Сергей Шатров. Угрызениями совести замучил себя хозяин Шатров.

Суд в романе является важным средством раскрытия авторской позиции, обрисовки главных и второстепенных персонажей. Он дает пищу размышлениям о вечных проблемах.

Язычество вполне естественно в произведении о переломном времени: век на исходе. «Время – одна из основных категорий (наряду с пространством) мифологической картины мира... В народной традиции время наделяется положительным или отрицательным значением» (Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995, С. 123). Семантико-символическое содержание времени – средство авторской оценки происходящего, отдельных институтов, отдельных героев. В частности, через время дается характеристика ЧК? Обратившись к

фольклорно-мифологическому осмыслению полночи, Югов оценивает ЧК как проявление бесовства. Забирают и уводят на переломе ночи. Промышленник Башкин говорит, что это «излюбленное время» трибунала. Бесовское время. Воистину так.

Не лучше и другая сторона. Еще в 1906 г. западный «поезд смерти» барона Меллера отошел из Москвы в ночь на первое января 1906 г. с Курского вокзала. Зная символику ночи и перелома года (Ночь на 1-е января), читатель понимает, что поезд принесет смерть, несчастье. Время предопределяет развитие сюжета. В Сибири отряд возрос. Местами отряд барона устраивал внезапные вылеты, облавы. Офицер отряда спокойно делает дело, расстреливает: «Чудесно, значит сегодня же вечером – всех семерых».

С народных позиций Алексей Кузьмич воспринимает время. В духе народных верований раскрыто бесовское дело страшной «экспедиции» Меллера.

Мифологические мотивы и образы предстают чаще всего, как архетипы.

Архетипы, впервые введенные швейцарским психоаналитиком Юнгом (Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1998. С. 95-126) – это первичные схемы образов, воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, а поэтому выявляющиеся в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства, в снах и фантазиях.

Архетипы – не сами образы, а схемы образов, их возможность. Но первообразы, проникая в сознание, наполняясь материалами сознательного опыта, становятся образами и мотивами. Архетипы становятся эмоциональными, получая полнокровность, притягательными, так как восходят к универсальным началам в человеческой природе и бытии. Вот почему они играют огромную роль в художественном произведении, его восприятии. Архетипы – своеобразная тень, схема. Но за ними предметный мир, какая-либо конкретность. Секрет архетипа в произведениях основывается на том, что он тысячеголос, он как бы живет в нас, но не ясен. Художник наполняет его только ему ведомой конкретикой. Секрет узнавания, секрет сопряжения моего запрятанного ощущения с ощущениями и мыслями другого создают притягательную силу. Я

узнаю, но при этом могу иметь свое мнение на изображенное. Мои раздумья вызывают тоже образы, может быть, не совпадающие с авторскими, или мои суждения об образах в произведениях могут быть только моими, но у них общая основа с мнением других. (Примеры – Всемирный потоп, любовь, смерть, вождь). Архетип – продукт сознания, но он взаимосвязан с древним мифологическим сознанием.

К архетипам относятся река, вода. Эти схемы общечеловеческого сознания получили под пером нашего земляка полнокровность запоминающихся образов. Река в языческой культуре – «объект почитания и место совершения многих обрядов» (Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 332). У Гальковского находим множество примеров облачения служителями христианского культа почитания воды, жертвоприношения рекам, озерам, болотам. Реки обожествлялись и персонифицировались (Морской царь). Наполняясь благодаря творчеству содержательностью, архетипы становятся образами. Архетипы имеют множество значений, символов. Так, река – один из самых емких и многозначных поэтических символов. Это – дорога в мир иной, пространство между мирами (свадебные песни). Река связана с идеями судьбы, смерти, страха перед будущим.

В основе мира, по древним представлениям, лежит река, по ней плавают кит, а на нем земля. Тобол в романе Югова – персонифицированный образ и локус. Река дает богатство, благодать, смысл жизни, радость труда. Она питает живительными токами, обеспечивает мукой (хлебом) округу. Мифологическая семантика реки способствует пониманию авторской позиции в политической и социальной расстановке сил. Мотив спасения Кедрова Тоболом – сакральным предметом – вплетается в общую положительную оценку революции.

Тобол не подвластен никому, подобно другим языческим божествам. Шатров может ставить на реке мельницы, но не становится его владыкой. На Тоболе происходят главные события, он манит, здесь решаются многие судьбы. Тобол самостоятелен. Река не терпит человеческих планов схватить ее плотинами, застегнуть, заставить работать. Она терпит хвастовство, однако наказывает

вознесшегося в мечтаниях человека. Шатров мечтает – «Но все равно: не умру, доколь весь Тобол не станут звать Шатровской рекой» (С. 57). Нет, не стали так именовать реку Тобол. Мало того, на правом его берегу погибает один из самых прекрасных сыновей Шатрова. И здесь писатель использует одну из мифологических граней воды: она – пограничье между миром мертвых и живых. Она навсегда берет человека.

Сам писатель говорит о кровавом роковом рубеже Тобола, где захлебнулись атаки генерала Сахарова, о смертном рубеже, подобном Страшному Суду.

Река не простила «старика» Шатрову осквернения своего берега. Имеется в виду мимолетная интрижка с Ландышем. Отсюда как-то незаметно началось разрушение шатровского гнезда, семьи – того, что было дорого могучему, умному, мудрому мельнику Шатрову, промышленнику, меценату. Река – локус древних браков. Нарушение обычаев ведет к беде.

Любопытно исследовать мифологические корни образа мельника, коим является Арсений Тихонович Шатров. Мельник – в народной культуре персонаж, знающийся с нечистой силой, в частности, с водяным. Отзвук мифологических воззрений обнаруживает мельница и дело Шатровых – мельников, владельцев мельниц. Мельник относится в народной культуре к группе «мифологизированных персонажей, обладающих особым умением, обитающим на границе освоенного людьми жилого пространства (за пределами села) и наделяемых сверхъестественными, в том числе колдовскими, способностями» (Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 258). Действительно, «старый» Шатров часто действует, как бы имея сверхъестественные свойства. Люди его класса, как правило, преследовались победившими копырниковыми. Но Шатров остается недостижимым и даже принятым Лениным.

«Старому» Шатрову уступают в силе его сыновья и в целом молодежь. К нему тянутся женщины, чувствуя в нем силы нестаряющего человека. Недоступная молодежи лесничиха оказалась связанной с Шатровым ребенком. «Незаконность» появления ребенка в какой-то мере объясняется положением

женщины – частицы леса и мужчины – частицы воды. Оба персонажа из мифологизированных миров, наделенных качествами враждебности человеку, стали родителями незаконнорожденного ребенка.

Считалось, что в разрушенной мельнице живут черти. Строительство не начинали, не принеся жертвы воде. Мельник во многих местах не только у русских считался оборотнем, живущим тайной, закрытой от людских глаз жизнью. Он многолик. Словом, жить у воды и быть заурядным нельзя, ведь водой управлять надо. Управлять, но не владычествовать. Заставить воду работать – особое дело. Оно порождало мифологические образы и мотивы. «Я - не мельник, я старый ворон», – читаем у Пушкина в «Русалке». Шатров многолик, он тоже своеобразный оборотень.

Промышленник Шатров, эксплуататор по-нашему, прячет большевика Кедрова, ведет с ним длительные разговоры, спорит, в чем-то соглашается. Он раньше других затевает новые формы в маслоделии и торговле. Он первым умеет увидеть что-то неладное. Многоликость Шатрова проявляется в добрых отношениях с Кедровым.

При мельнице работает «писарек» – очень грамотный и честный. Тоже оборотень. Писарек – один из видных большевиков Кедров. На мельнице происходит много темных дел, хотя она и кормит. Здесь укрыта тайная типография, здесь один из надежнейших узлов всей подпольной работы в уезде. Сычиха о писарьке кричит «Оборотень».

Языческой мифологией пронизан образ Сычихи. Себя она мыслит христианкой. В ее доме с такой пышностью справлен похоронный обряд по мужу, что повеяло языческой тризной. «Христианка» рвет на себе седые космы, истошно вопит, прокликает «погубителей мужа», устраивает щедрые поминки. Все, как у язычников. Нехристианская сущность героини проявилась отчетливо. Мотив собирания со следующей недели за помол надбавленный пяточок с пуда только подтвердил читательское понимание образа Сычихи.

Мифологические мотивы имеют большое значение в композиции произведения, в том числе и в композиции сюжета. Они предопределяют развитие действия. Мифологический подтекст

позволяет говорить об А. К. Югове как о писателе, знающем народную культуру. Обращение к мифологии – средство показать талантливость народа, а также высказать уважение к читателю, способному понять глубинные пласты верований и народного творчества.

И. А. Шушарина,
канд. филол. наук, доцент,
Курганский государственный университет

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ А. К. ЮГОВА «СТРАШНЫЙ СУД»

Диалектная лексика является лексикой внелитературной, лексикой устной разговорно-бытовой речи. В силу своей территориальной ограниченности диалектизмы осознаются как чужие, непонятные большинству носителей литературного языка.

Обращение писателя к диалектной лексике никогда не может быть случайным. Диалектизмы являются великолепным средством индивидуализации персонажа, средством бытописания.

А. К. Югов – уроженец села Каминского Курганской области. В романе «Страшный суд», рассказывающем о событиях, происходивших в начале 20-го века на территории Южного Зауралья, автор отразил черты говора, знакомого ему с детства. Он считал, что «художественность присуща самому языку народа. Каждое слово (пусть его обзывают нелитературным) обладает точностью, мыслиемкостью, вещественностью» (1,30).

Как известно, языковая палитра Южного Зауралья чрезвычайно пестра: здесь представлены северновеликорусские, средневеликорусские и южновеликорусские говоры. В основу диалектной лексики романа А. К. Югов положил северновеликорусский говор с его яркими акцентологическими, фонетическими и морфологическими чертами.

Прежде всего, бросаются в глаза слова с диалектным ударением, отмеченные еще А. М. Селищевым и столь привычные курганцам по

живой разговорной речи: *Кровь с молоком, хр'ани ее Христос!* (2,103); *Неправда 'идет!* (2,206); *Как огнём 'обдало сердце* (2,324).

Нередкой является и эпентеза: вследствие диссимиляции согласных однородной артикуляции между ними возникает вставной звук: *Крутой у него ндрав* (2,520); *уж больно, говорят, слёзно читат, а и всё объяснят: нашиот фронту, и про других прочих* (2,15). Через написание рядом двух шипящих отражается в романе южнозауральское произношение долгого твердого шипящего на месте долгого мягкого в литературном языке: *А ну; посторонись, народ крешионый!* (2,24); *Пушшай шито прочитат, шатровский-то малый* (2,14); *Веши хорошая* (2,121). Эта черта отмечается в южнозауральском говоре уже в 18-м веке (материалы ГАКО).

Яркой северновеликорусской чертой является стяжение гласных, возникающее в результате выпадения интервокального йота и образования зияния гласных, которое язык стремится преодолеть. Стяжение наблюдается у глаголов настоящего времени во 2-м и 3-м лицах единственного числа: *А ты – как знашь! Он по-нашему, по-сибирски, произносит: «знашь, делашь»* (2,120); *А я вот, вишь, неученый, простой мужик сибирский* (2,15); *уж больно, говорят, серьезно читат, а и все объяснят...* (1,15); у имен прилагательных женского рода и местоимений в И и В падежах единственного числа: *Она ж отцовска кровиночка!* (2,52); *Заступ возьми: лопату железну* (1,594); *И все на то ссылаются: Сибирски, дескать дорога насквозь бастует – не проехать* (1,68); *Кажну ночь постреливают* (2,516); *тебе бы таку* (2,215); *На неоседлану лошадь запросто сядет* (2,104).

Среди морфологических диалектных черт в тексте романа отражены произношение в окончании именительного падежа множественного числа прилагательных мужского рода /о/ на месте литературного /ы/: *Стало быть, добрый сын, да и к соседям почтительной* (2,14); *Матерой провокатор!* (2, 759); *А во дворе спущен с цепи матерой пес* (2,521);

употребление притяжательных местоимений имя (Т.п.мн.ч.) вместо ими, ихний вместо их: *Как с имя быть?* (2,213); *За ихние*

прибыли воюем! (2,209); Вы, конечно, не знаете, что случилось тогда на **ихних** плотинах? (2,376);

отсутствие у возвратных глаголов частицы -ся и употребление ее у невозвратных глаголов: *Дрова вон как быстро загорели (2,258); Я вчера целый день стиралась (2,215);*

употребление глаголов, оканчивающихся на заднеязычный согласный, без чередования с шипящим: *А ты можешь? (1,480); Говорилты нам про это! А нелгёшь? (2,471); Да наслыхался всего! (2,228);*

чрезвычайная продуктивность у существительных окончаний -а/-я в именительном падеже множественного числа: *За ихние прибыля воюем! (2,209);* -ов в родительном падеже множественного числа: *Сколько разов тебе говорить? (2,215); Делов- то! (2,407); Вчерась письма от сынов получила (2,309);*

изменение существительных мужского рода с уменьшительно-ласкательными суффиксами -ушк-, -ечк- (мальчишечка) по 2-у типу склонения: *С шатровским-то мальчишечком он и бегаёт (2,43); Совсем парнишечко тот молодой (2,292);*

наконец, диалектное изменение грамматического рода у ряда существительных, оканчивающихся на мягкий согласный: *А вот на скамеечке посидели, под то пол ею (2,102); всякой овощью запаслися (2,450); карась мелкая (2,503).*

Безусловно, наиболее многочисленной группой диалектизмов являются диалектизмы лексические.

Прежде всего это лексемы, обозначающие предметы быта: *кошева* (сани), *охабень* (длинная и широкая верхняя одежда (холщовая или сермяжная) разного покроя), *вешняк* (мельница, работающая только в половодье), *дерновина* (скопление дерна), *сумет* (ложбинка, заливаемая весенней водой, в которой остается ил после отлива), *заструг* (волнообразная поверхность пространства, покрытого снегом, льдом) и др.: *Дуняша кинулась совлекать с приезжих их тяжёлые сибирские охабни (2,768); Но зачем он тогда, на плотине, встрял – кинулся спасать этого своего пса из вешняков? (2,376),*

На втором месте по частотности употребления находятся диалектизмы, обозначающие какие-либо действия: мреять (неясно виднеться, чуть просвечивать), погинуть (погибнуть), вметывать (влетать, попадать случайно с ветром), одеться (надевать, носить) и др.: Чуть ли не в самую комнату шатровского мезонина вметывает она теперь – радужная, густо лиственная (2,8); Мальчик, бывало, часами просиживал здесь, вглядываясь в далекое стеклянно-струистое марево, сквозь которое мреяли зубы казенного бора (2,12); На чужой стороне погинул (2,318).

Небольшая группа диалектизмов в романе так или иначе обозначает людей: грудныш (младенец), невеглас (невежда, неуч), буканушка (домовой, бука, которым пугали детей), чеченя (щеголиха): Грудныш ведь у меня дома-то остался (2,20); А то что же сидеть-то буканушкой! (1,51); Он же совсем невеглас (2,312); -Ну, а все-таки: что такое чеченя? Мне не надо обижаться? - Обижа-а-ться? Чего тут обидного? Ну, щеголиха, сказать по-вашему (2,32).

Диалектизмы органично вплетаются в ткань художественного произведения. Употребление их в тексте всегда точно, метко, выразительно. Диалектизмы в большинстве своем не осложняют восприятия текста, так как автор включает их в текст таким образом, что их значение становится понятно читателю. Часть диалектизмов дается в авторских сносках: **И началось все из-за синего *рукотерта*** (2,40). Сноска: *Рукотертом в Сибири называли полотенце*. Кроме того, автор прибегает к непосредственному толкованию значения слова в тексте романа: *Слепят глаза зеркально сверкающие на солнце лудою -хрупким, как стекло, «чиром» (след застылого, схваченного морозом таяния) – необозримые расстилы сугробов* (2,456). Автор может также дать характеристику говора в целом: – *А ты как знаешь! Он по-нашему, по-сибирски, произносит: «знаешь, делаешь»* (2,120).

Диалектизмы крайне редки в речи автора и частотны в речи персонажей, но они не перегружают повествования. Они используются для изображения специфики быта, культуры, для передачи местного колорита речи, для индивидуализации речи персонажей.

Введение большого количества диалектизмов в язык романа полностью отражает лингвистическую концепцию А. К. Югова.

Литература

1. Югов А. К. Судьбы родного слова. - М.: Молодая гвардия. - 1962.
2. Югов А. К. Страшный суд. - М.: Советская Россия. - 1984.
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-27 / Под ред. Ф. П. Филина. – М.: Наука, 1965.

В В. Пундани,
д-р ист. наук, проф.,
Курганский государственный университет

ИСТОРИЗМ АЛЕКСЕЯ КУЗЬМИЧА ЮГОВА

Впервые с творчеством А. К. Югова мне довелось познакомиться более 40 лет назад, когда в 1958 г., будучи студентом первого курса историко-филологического факультета Курганского пединститута в день своего рождения 15 января я получил дорогой подарок от своего сотрудника С. А. Бердюгина. Это была книга нашего земляка А. К. Югова «Ратоборцы».

Хорошо помню, что эту эпопею я, как говорят в народе, проглотил, прочитал «запоём» за два дня.

К сегодняшнему юбилею, к 100-летию со дня рождения Алексея Кузьмича мне пришлось предпринять серьезную попытку осмыслить все творчество нашего зауральского, сибирского ратоборца с позиций, в первую очередь, историка, а затем филолога.

Эта попытка оказалась делом очень непростым, т. к. А. К. Югова и у нас в Зауралье, и в России, и за ее пределами знают преимущественно, как талантливого, выдающегося писателя, лингвиста, слависта. Поэтому для раскрытия творческой лаборатории А. К. Югова-историка пришлось поднять значительный пласт литературы, источников, в которых содержится информация по заявленной в докладе теме.

Большое значение в ее раскрытии имели данные, содержащиеся в библиографическом указателе «Писатель-патриот (к 95-летию

рождения А. К. Югова)», подготовленном Курганской областной универсальной библиотекой, носящей его имя, и архивом общественно-политической документации Курганской области. Также важным было знакомство с наиболее значительными трудами самого А. К. Югова, с воспоминаниями хорошо знавших его друзей, родных, земляков, читателей, ученых – историков, лингвистов, писателей, поэтов.

Несомненно, в жизни пишущего человека важнейшими вехами всегда являлось время появления в свет результатов его творчества, определявшими его успех, подъем, взлет, звучание, путевку в большую жизнь, или неудачу, спад, забвение...

С появления в 1923 г. в одесском журнале «Силуэты» первого печатного труда Алексея Кузьмича, его поэтической поэмы «Летчики», звучанию фамилии Югова в нашей стране было положено доброе, хорошее начало, начался прорыв в большое будущее, в Бессмертие. Хотя поэзия не стала призыванием зауральца.

Публикация в столичном журнале «Красная новь» в 1926 г. рассказа А. К. Югова «Повествование о жизни Макара Мартецова», посвященного событиям Гражданской войны, тоже была по существу пробой пера. Однако в будущем, почти через 40 лет, эта тема нашла в творчестве уже известного писателя фундаментальное отражение, вылилась в эпопею в двух романах «Страшный суд», получившую Государственную премию им. А. М. Горького в 1972 г.

Первые публикации юноши совпадали со временем его учебы в Одесском мединституте (1922-1927 годы). После окончания вуза во время уже работы А. К. Югова разъездным врачом в Восточной Сибири в 1928 г. в журнале «Сибирские огни» увидел свет его научно-фантастический роман «Безумные затеи Феропонта Ивановича». Этот литературный жанр также не стал его творческим кредо. Однако большой ценный материал о жизни старожилы земли Сибирской, наблюдения А. К. Югова при встречах с ними позднее также имели для нашего земляка большое значение в работе над эпопеей «Страшный суд».

Тридцатые годы XX столетия оказались переломными в жизни Алексея Кузьмича, переехавшего в Москву, оставившего

деятельность врача и ставшего писателем-профессионалом, автором блистательных очерков, пьес, книг, романов.

В это время у А. К. Югова отчетливо начинает проявляться талант, способность глубокого аналитика, серьезного ученого. Во многом этому способствовала его работа по написанию книг о таких корифеях нашей отечественной науки, как И. П. Павлов и К. Е. Тимирязев. Книга об И. П. Павлове позднее была четыре раза переиздана в СССР, а также издана в Болгарии, Польше, Румынии, Чехословакии и ряде других стран.

Названные работы содержали не только ценный документальный материал о жизни и деятельности этих ученых, но и сведения по истории развития и утверждения советской физиологической науки. Эти книги явились прочным сплавом таланта писателя и ученого.

В 1941 г. в журнале «Октябрь» начали печататься главы романа Алексея Кузьмича «Бессмертие», который в полном объеме, отдельной книгой вышел в 1944 г. Роман был посвящен жизни молодого сибирского врача – Андрея Савельева, раскрытию встречавшихся на его пути трудностей, становлению его личности. «Бессмертие» – во многом автобиографический роман, выдержавший пятикратное переиздание на Родине, издание в Англии, США, Голландии, Румынии, Чехословакии, Югославии. Роман принес Югову широчайшую известность, заслуженную славу.

В военные и послевоенные годы из-под пера «москвича» появились произведения – биографии, посвященные таким эпическим героям нашей отечественной истории, как Даниил Галицкий и Александр Невский. Интерес А. К. Югова и всей нашей общественности к этим личностям был не случаен и вызван всенародным патриотизмом, желанием победы над силами зла, иноземными захватчиками, стремлением понять источники победы народов СССР в смертельной схватке с фашистской Германией.

В военное время писатель одновременно работал над эпопеей «Ратоборцы», фундаментально занялся переводом и комментариями к величайшему памятнику исторической и поэтической мысли Древней Руси XII века – «Слову о полку Игореве». Его герои были прямыми великими предками и Даниила Галицкого, и Александра Невского, жившими в XIII столетии.

К роману «Ратоборцы» Алексей Кузьмич пришел именно через исторические и лингвистические изыскания, связанные с работой над «Словом...».

Югову пришлось капитально изучить былины, летописи, – Галицко-Волынскую, Лаврентьевскую, Новгородскую, Никоновскую, Повесть временных лет, древнерусскую лексику, труды арабских, китайских, западноевропейских ученых древности, детально знакомиться с первоисточниками по истории Древнего Рима, Византии эпохи крестовых походов и монголо-татарского нашествия на Русь. Алексей Кузьмич становится первоклассным знатоком истории древнего мира, Древней Руси, средневековья.

Работая над «Словом...» и «Ратоборцами», наш земляк изучил древнеславянский, церковнославянский, болгарский, чешский языки, стал эрудитом-славистом.

В 1944 г. Госполитиздат публикует очерк Алексея Кузьмича «Даниил Галицкий». В 1945 г. в центральном академическом журнале «Вопросы истории» увидело свет исследование Югова о Данииле Галицком и Александре Невском. В этом же году произошло еще одно выдающееся событие не только в его жизни, но и в отечественной истории и литературе. В издательстве «Советский писатель» был опубликован перевод и комментарии шедевра средневековой древнерусской поэзии – «Слова о полку Игореве», автором которых был А. К. Югов. Эта работа получила высокую оценку академиков – историка Б. Д. Грекова и филолога А. С. Орлова в их вступительных статьях к изданию «Слова...».

Особо отмечался новаторский подход Алексея Кузьмича к трактовке ряда так называемых «темных мест» поэмы, которые трудно поддаются подлинно научному, достоверному переводу на современный русский язык, адекватный менталитету, образу, стилю, логике мышления человека XII столетия, времени создания «Слова...». Хотя и Б. Д. Греков, и А. С. Орлов не отрицали парадоксальности гипотез Югова, возможности споров по их доказательствам, и в то же время – их допустимости, тем не менее научность аргументов нашего «вещего Бояна» они признавали, называли одновременно философом, историком, лингвистом.

Научную беспристрастность, обоснованность, добросовестность, точность в работе А. К. Югова над «Словом...» подчеркивал известный русский советский поэт Н. Н. Асеев. Но и он также не отрицал возможности других вариантов перевода отдельных строк, образов, метафор, понятий «Слова...».

В связи с тем, что издание «Слова...» в 1945 г. с переводом и комментариями Югова скоро стало библиографической редкостью, его переиздали через 25 лет, в 1970 г. В нем были учтены дальнейшие разработки поэмы Алексеем Кузьмичем, его новые доводы и утверждения.

В новом издании «Слова о полку Игореве» редакция обращала внимание читателей на следующие принципиально важные аспекты, характеризующие творчество писателя-историка: прежняя патриотическая направленность его работ после появления поэмы в 1945 г.; борьба против попыток объявить «Слово» хитроумной подделкой XVIII в.; выступление против вульгаризации «Слова»; протест против попыток некоторых зарубежных исследователей присвоить приоритет русских ученых в целом ряде наисущественнейших прочтений этого гениального памятника древнерусской поэзии (От редакции // Слово о полку Игореве. Московский рабочий. 1970. С.13).

Двухтомный роман-эпопея «Ратоборцы» появился в 1949 г. Успех книги был великий. Роман в последующие 50-е – 90-е годы был переиздан восемь раз.

Важными вехами в творчестве Алексея Кузьмича было появление в печати в 1953 и 1960 гг. книги очерков «Свет над Волгой» и романа «На большой реке». Они были посвящены грандиозному историческому событию в жизни страны Советов – строительству Куйбышевской ГЭС.

Большой след в истории отечественной филологии оставили увидевшие свет книги Югова в 1962 и 1972 гг. – «Судьбы родного слова» и «Думы о русском слове». За них писатель получил признание и почетное звание «Ратоборец русского слова».

И, наконец, в 60-х – 70-х годах Алексей Кузьмич осуществил еще одну грандиозную идею по созданию романа-дилогии «Страшный

суд». По признанию самого его творца – самой любимой и дорогой вещи.

Главной задачей автора этого романа было стремление отразить причины, исторические закономерности, приведшие к планетарным социальным катаклизмам в России, в том числе в Сибири – к Гражданской войне. Герои книги – подлинные, реальные люди того времени, полководцы Фрунзе, Тухачевский, военачальники, государственные деятели – Ленин, Красин и др. Это представители простого народа – основного творца истории. Имеются в романе и аллегорические образы – метафоры. И еще одна важная тема пронизывает «Страшный суд» – тема возмездия истории за деяния человека, тема исторической справедливости. Югов говорит о существовании не какого-то мифического, а реального, самого страшного – земного суда народа (Е. Осетров. Светоносец // А. Югов. Страшный суд. Эпопея в двух романах. М. 1984. Т.1. С.17-18).

Чтобы написать это выдающееся историческое полотно, Алексею Кузьмичу пришлось поднять огромный пласт архивных документов, изучить множество мемуаров, в большинстве опубликованных за рубежом, осмыслить свои многочисленные дневниковые записи времен работы врачом в Сибири. «Страшный суд» увидел свет в 1969 г., а в 1972 г. эта книга была удостоена Государственной премии им. А. М. Горького. В последующие годы «Страшный суд» был переиздан более десяти раз.

Подводя итоги своей попытки оценить вклад А. К. Югова в нашу отечественную историю и литературу, хочется подчеркнуть, что все творчество нашего замечательного земляка пронизывает глубокий, подлинный историзм. Любое событие исследуется им с момента зарождения и последовательного развития до закономерного завершения.

Успех творчества Алексея Кузьмича – результат безграничного трудолюбия, требовательности к самому себе, целеустремленности, сосредоточенности, подвижничества, аналитичности ума, энциклопедичности знаний, широты взглядов на любой факт, явление нашей истории, начиная с Древней Руси и завершая событиями ушедшего XX столетия.

В итоге – подлинное народное признание у себя, на большой и малой Родине и за их пределами за его истинный патриотизм, любовь к Отечеству, гражданственность.

И еще отметим одну характерную черту творчества Алексея Кузьмича, его характера – полемичность. Хорошо знавшая нашего Ратоборца Е. Серебровская писала: «Полемика – признак здоровья, движения умственной жизни, лишь бы велась она культурно, не против персоны, а против ложной идеи или посылки. Лишь бы велась с одной только целью – установить истину, а значит помочь в конечном счете и самому оппоненту, с кем споришь. Лишь бы не сопровождалась действиями, отношения к литературе не имеющими. Именно так спорил Югов» (Е. Серебровская. Не знавший покоя // Воспоминания о Югове. М., 1986. С. 57).

Л. В. Серебровская,
филолог,
г. Москва

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСЕЯ ЮГОВА

Отмечая 100-летие со дня рождения Алексея Кузьмича Югова, мы вспоминаем его художественные произведения, статьи о языке, перевод «Слова о полку Игореве» и слово «ратоборец» часто и вполне справедливо применяем к самому писателю. Изучая отечественную историю, писатель глубоко осознал важные черты, присущие русской, российской истории, которые заново осмысляются в наше время.

Одна из этих особенностей – ощущение единства народа на огромных просторах нашей страны. Вдумаемся в факты биографии писателя – он родился на реке Тобол, в семье волостного писаря, человека хотя и грамотного и очень одаренного, но при этом не получившего формального образования. В детстве Алексей Югов никаких других краев не видел (в юговском романе Арсений Шатров и его семья до революции совершали путешествия в Москву и

Петербург, а сами Юговы такого, конечно, не могли себе позволить), стало быть, источником познания жизни была только эта земля на берегах Тобола, живущие вокруг люди, да еще книги, которых в семье было много. При этом у маленького мальчика создается ощущение причастности ко всей огромной России. На него произвели огромное впечатление рассказы о Толстом, и в восьмилетнем возрасте он признался родным, что мечтает убежать к Толстому в Ясную Поляну. Впоследствии Югов говорил, что Россия являет собою удивительный пример страны, где единство языка на протяжении веков сохранялось на огромных пространствах (в отличие, допустим, от Германии, где до последних веков языки разных княжеств отличались вплоть до взаимного непонимания).

Югов учился в Куртамыше, а потом в гимназии в Кургане, где гимназисты издавали собственный рукописный журнал. Он мечтал стать врачом и выбрал для учебы Одесский медицинский институт, потому что в 1920-е годы там преподавали знаменитые профессора, в частности, профессор Филатов. В этом институте Алексей Югов познакомился со студенткой, приехавшей из Харькова, отличницей и красавицей Ольгой Дзендзелло. С ранних лет одним из любимейших писателей Югова был Гоголь, и мальчик подолгу рассматривал старинный том Гоголя с замечательными иллюстрациями. Позже он вспоминал, как особенно поразила его воображение Оксана из «Ночи перед рождеством», и у него появилась мечта жениться на украинке. В Одессе эта мечта исполнилась – и совместная жизнь Ольги Ивановны и Алексея Кузьмича продолжалась более полувека. Молодой человек из Тобольской губернии и девушка из Харькова говорили на одном и том же языке, читали одни и те же книги и, разумеется, считали себя жителями единой страны. После окончания института оба работали врачами в Сибири, где Ольге Ивановне, помимо приема больных, приходилось доить корову, а Алексею Кузьмичу приходилось верхом добираться до своих пациентов на труднодоступные золотые прииски.

В ранних произведениях Алексей Кузьмич обращается к современности, причем зачастую использует личные впечатления: в поэме «Летчики» изображен реальный случай, который произошел во время парада в Одессе, а «Повествование жизни Макара

Мартецова» основано на подлинном рассказе служителя медицинского института. Более всего медицинское образование Югова отразилось в художественной повести «Павлов» и в романе «Бессмертие». А между тем углублялся интерес писателя к русской истории, в частности, к древнерусской литературе. Начиная с 1929 года, Югов работает над переводом «Слова о полку Игореве» и в ходе этой работы глубоко изучает древнерусские письменные источники, в частности, галицко-волынскую летопись (Югов считал, что автор «Слова» – сам из Галицко-Волинского княжества).

Знания Югова оказались необходимыми в годы Великой Отечественной войны. Когда «Госполитиздат» стал издавать серию брошюр «Великие борцы за русскую землю», Югов пишет для этой серии брошюру «Даниил Галицкий» (до той поры это имя было мало известно широкому читателю). Это послужило началом работы над большим художественным произведением – дилогией «Ратоборцы», которая вышла в свет в 1948 г. Неудивителен интерес автора к этой древней эпохе, проявившийся в годы Великой Отечественной войны, когда так остро встал вопрос о целостности России, о сохранении русского, советского государства. В романе Невский объясняет Дубравке, что «немцы страшнее татар»: «Если не устоим против стран западных, то эти и духовный корень наш изроют!.. Не то что нас, а и Руси не бюджет. Вовеки!..»

Вся дилогия «Ратоборцы» пронизана этим трагическим противоречием между величием и мужеством русского народа и кровавыми событиями, которые были вызваны не только вражеским нашествием, но также эгоизмом или предательством самих русских князей. Вот, например, замечательные, поэтичные строки, посвященные Киеву – «матери городов русских». Князь Даниил вспоминает древнее предание, как «двенадцать веков назад якобы сам апостол Андрей, первым званный, ученик Иисуса, проплывал здесь в ладье». (Любопытно, что в 60-е годы редакторы вычеркнули отрывок про апостола Андрея из очередного переиздания романа, и он был восстановлен лишь в издании 1992 года по инициативе Т. А. Серебровской, дочери писателя). Предание рассказывает, как апостол, пораженный необыкновенной красотой Днепра и его окрестностей «как бы в некоем наитии» воскликнул:

«Видите ли горы сии? На этих горах воссияет благодать Божия и великий город воздвигнется!..»

«И бысть тако.

И на великом водном пути, который на много столетий сомкнул уже ступившую во мрак одичанья Европу с Византиею [...] – на великом днепровском пути стал город. И нарекли ему имя Киев.»

И одновременно, вполне согласуясь с историческими фактами, Югов с горечью пишет о междоусобице русских князей во время трагической битвы на Калке.

«И в поход выступали князья, всячески перекоряясь друг с другом, творя проклятое свое княжое местничество. Да и в самой битве, творя на пакость, наперекор друг другу, распрею погубили все старейшины Земли Русской!»

При том, что Югов в своем творчестве воспел величие русского народа, он с огромным уважением относился к иным народам, их языкам и культуре. В произведениях писателя мы находим сочувственное изображение людей самых разных национальностей: грузинские князья в «Ратоборцах», аварец Асхат Пылаев в романе «На большой реке», чехи Микулаш Сокол и Иржи Прохазка в «Страшном суде». Один из самых привлекательных образов, созданных писателем – доктор Абрагам – «княжой еврей», верой и правдой служивший Александру Невскому, а прежде его отцу, и не побоявшийся в чумной год остаться в Новгороде и, рискуя жизнью, спасти его жителей. А когда епископ новгородский советует доктору Абрагаму переменить веру, тот отвечает: «Разве вера – рубашка, что ее следует менять?» Югов с одобрением говорит, что отец Невского, «следуя примеру великих предков своих, резко выделялся среди государей Европы своей предельной веротерпимостью и радушием к чужеземцам, какой бы они ни были крови, если только с чистой совестью, без камня за пазухой они приходили служить Руси».

В романе «Страшный суд», изображая события, связанные с историей чешского корпуса в годы гражданской войны, писатель создает правдивые и индивидуальные образы чешских героев. В то время, как Микулаш Сокол помогает большевикам, Ярослав Чех возглавляет белый карательный отряд, а Иржи Прохазка терзается и

не может сделать окончательный выбор. В послесловии к переводу романа на словацкий язык было справедливо отмечено: «... Мы должны быть благодарны русскому писателю Югову не только за то, что он оживил тему о чехословацких бойцах в России в период гражданской войны, но и за ту чуткость, понимание и историческую достоверность, с которыми он это сделал».

Роман «Страшный суд» – это еще одна эпоха в нашей истории, в которой речь идет о судьбе России, о ее целостности, и в этом произведении писатель обращается к событиям, свидетелем которых он сам был в молодости. Младшему сыну Шатровых Володе столько же лет, сколько было в ту пору Алеше Югову, и автор внес в его образ некоторые автобиографические черты. Карта фронта германской войны висит в гостиной Шатровых, – такая же карта висела в доме Юговых, и гимназист Алеша с волнением переставлял на ней флажки, отмечая победы и поражения русской армии. Так же, как Володя Шатров, Алеша Югов в дни летних каникул читал письма с фронта неграмотным крестьянам, ждавшим своей очереди на помол. «Слезно читат!» – говорят про него крестьяне, а будущий писатель, читая вслух эти бесхитростные послания, проникался ощущением народной трагедии и одновременно учился уважать семейные, родственные узы. И даже отгороженное водопадом потайное место под плотинным мостом, где в романе Володя Шатров укрывает от белых своих друзей-подпольщиков, воспроизводит подлинное «укривище», которое Алеша Югов обнаружил в плотине, построенной его отцом на Тоболе.

Между тем, годы, описанные в «Страшном суде» – это опять годы разлома, когда кажется, что все вокруг рушится, и разлом проходит через людские судьбы. Нет единства ни в богатых, ни в бедных семьях, друзья или родственники становятся противниками, и каждый считает, что правда на его стороне. Известный историк академик В. Л. Янин так сказал об этой книге: «Эпопея «Страшный суд» дает мне как историку реальное представление о движущих силах тяжелого общественного расклада и обнажает корни социальной психологии, без понимания которой и факты, и цифры мертвы...». В 60-е годы, когда впервые вышел роман, он казался пусть ярко, талантливо изображенной, но всего лишь страницей из

прошлого. Неожиданно в последнее десятилетие XX века нашу страну потрясли социальные катаклизмы, после которых герои юговского романа предстали перед нами в новом свете. Вполне естественно в переломные моменты истории обращаться к опыту предков, и в этом смысле роман Югова придает моральные силы. Мы понимаем, что уже были моменты в истории, когда рушился уклад, казавшийся незыблемым, и тем не менее народ и страна устояли. Писатель одинаково убедительно показывает психологию и мотивы политических антагонистов, но его несомненное сочувствие с теми героями, кому не безразлично будущее России.

В конце XX века Россия снова оказалась на переломе, и вновь встал вопрос о территориальной и государственной целостности. Оказалось, что произведения Югова опять созвучны нашей эпохе, и не только «Страшный суд», но и «Слово о полку Игореве», которое еще недавно казалось рассказом о событиях совершенно далеких от интересов современного человека. Неожиданно по-новому злободневно зазвучали строки юговского перевода из «Слова о полку Игореве»:

«Братья!

А невеселая година настала...

.....

Канули добрые времена!

С погаными война

у князей поослабла!

Ибо брат брату молвил:

«То – мое,

а и то – мое же!»

И принялися князья

о маленьком – «вот великое!» – молвить

и сами промеж собою

крамолу ковать.

А поганые

отовсюду приходили

войною

на землю Русскую!..»

Сколько раз исторические трагедии народов начинались с таких вот слов: «То – мое, а и то – мое же!», а последствия нам довелось видеть своими глазами. Однако, «Слово о полку Игореве» заканчивается прославлением князя и дружины «за землю Русскую!» Будем надеяться, что новые поколения читателей будут черпать в творчестве Алексея Кузьмича Югова бережное отношение к родной истории и культуре, и веру в великую судьбу России и ее народа.

А. Л. Михашенко,
проф. кафедры педагогики,
Курганский государственный университет

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ АЛЕКСЕЯ ЮГОВА

В зауральской слободе Каминской 12 марта 1902 г. у волостного писаря Кузьмы Югова родился третий сын, которого нарекли Алексеем. Глава семейства в этот период был политическим поднадзорным, которому запрещалось состоять в государственных должностях, и поэтому А. К. Югов работал мельником-плотинщиком. Он мечтал видеть своих детей умными и образованными людьми.

В 1911 г. в Кургане начала работать мужская гимназия, в которую поступили учиться Михаил и Николай, старшие братья Алексея. В семье гимназисты делились впечатлениями об учебе, преподавателях, читали вслух занимательные рассказы, декламировали выученные стихотворения и басни, произносили ранее не слышанные слова и фразы. Младший брат завидовал Михаилу и Николаю и с нетерпением ждал своего часа.

И он настал. С трепетным волнением Алексей вошел в учебное заведение. Широкая деревянная лестница вела в просторный холл. Слева и справа располагались просторные классные комнаты с большими окнами. В таких помещениях мальчик еще не бывал. (Автору данной статьи довелось учиться в здании бывшей мужской

гимназии в 1948-1950 гг.) Состоялось первое знакомство с преподавателями гимназии, проверившими его грамотность.

В августе 1914 года Алексей Югов был зачислен сразу во второй класс Курганской мужской гимназии. С этого же года вводился новый учебный план, больше времени отводилось изучению естествознания, истории, литературы. На уроках истории гимназисты стали знакомиться не только с жизнеописанием царей, но и с историей экономического и культурного развития народов.

Быть может, в стенах гимназии впервые зародился интерес А. Югова к историческому прошлому русского народа, которое он затем отразил в «Ратоборцах» и в переводе «Слова о полку Игореве». Самое значительное количество часов отводилось дисциплине «Русский язык и словесность».

А. Югову довелось познавать и закон божий, заучивать молитвы. Он познакомился с Библией, Ветхим и Новым заветами. С началом первой мировой войны учащиеся после общей молитвы стали исполнять гимн «Боже, царя храни». Преподаватели строго следили за участием гимназистов в религиозных обрядах. Ученики должны были участвовать в литургиях и панихидах, говеть в великий пост перед Пасхой, соблюдать все религиозные праздники. Этому способствовало и то, что божий храм Александра Невского находился почти рядом с гимназией...

В учебном заведении А. Югов изучал латинский, немецкий и французский языки. Учет знаний гимназистов велся в специальном журнале. В учебном документе за 1914-1915 учебный год было записано: «Югов Алексей, сын крестьянина, вероисповедания православного, родился 12 марта 1902 года. Успехи: поведение – 5, внимание – 5, прилежание – 5, закон божий – 5, русский язык – 4, арифметика – 4, история – 5, природоведение – 4, география – 4, немецкий язык – 4, французский – 5, рисование – 4. Переведен в третий класс». Алексей учился лучше своих братьев, у которых основными оценками были «3» и «4», а у Михаила даже имелись неудовлетворительные оценки по арифметике.

Одна из особенностей южнозауральского образования - это относительно демократический подход, по сравнению с общероссийским, к формированию контингента учащихся средней

школы. Так, в 1911-1912 учебном году в первом классе Курганской мужской гимназии обучалось до 30% детей крестьян. В 1915-1916 учебном году в пятом классе обучалось 43,4% детей из крестьянских семей. Остальные были из семей чиновников, купцов и мещан. В центральной России детей политического поднадзорного вряд ли зачислили бы в гимназию.

Революционный ветер перемен и реформ 1917 года охватил многие слои населения Южного Зауралья. Особую активность проявляли гимназисты Кургана и Шадринска, требовавшие демократизации школы, введения самоуправления, устранения сословного подхода в обучении, свободы слова, союзов, собраний.

В Кургане был создан Союз учащихся средней школы. Его возглавил 20-летний М. Югов, бывший ученик гимназии. Союз издавал свой журнал «Школьные годы», который выходил по мере накопления информации и литературного материала. В редакционную коллегию входили М. Югов, А. Югов, П. Бородин. То, что братья Юговы возглавили молодежную организацию и ее печатный орган, не было случайным явлением. На их демократические взгляды большое влияние оказала семья и, в частности, отец, негативно относившийся к политике самодержавия... Редакция размещалась по улице Дворянской в доме Баранцева. К сожалению, в фондах Курганского госархива имеется лишь один номер журнала «Школьная жизнь».

Молодежное издание публиковало рассказы и критические статьи, различную информацию о жизни учащихся Западной Сибири. В «Школьных годах», вышедших в свет 27 апреля 1918 г. (№3) помещен материал под заголовком «По поводу заметки «Бедные труженики»». В конце публикации стояли инициалы «А. Ю.». Вполне вероятно, что она была написана будущим известным писателем. Автор статьи развенчивал несостоятельные доводы некоторых людей по поводу пропуска уроков учениками. К основным причинам они относили кружечные сборы, красный флаг над учебным заведением как сигнал о сильном морозе, семейные праздники. А. Югов пишет, что в текущем учебном году не проводилось кружечных сборов пожертвований в пользу школы Дети не посещали занятия не из-за сильных морозов, а по причине

нехватки одежды. «Большинство учащихся по сравнению с прошлыми годами плохо, очень плохо одето в эту зиму. Не было и нет обуви, калош и вовсе не потому, что они истерли их по булыжным тротуарам улиц в прогулках с товарищем в юбке, а из-за двухлетней продовольственной разрухи». Автор указал, что посещать класс, рискуя получить ревматизм – неблагоприятно.

Далее А. Ю. в своей статье отметил «убийственную медлительность» правительства в области школьных реформ. Русская школа начала дискредитироваться уже в период министра просвещения П. Н. Игнатьева. Он пытался провести реформу средней школы, ввести всеобщее начальное образование, расширить техническое и сельскохозяйственное образование. Во времена Игнатьева, отмечал автор заметки, учащимся были раскрыты глава на все недостатки, намечались основы новой трудовой школы, где бы отсутствовала бессмысленная зубрежка. С победой революции открылись широкие горизонты.

Статью А. Ю. трудно пересказать или прокомментировать, так как нарушится стиль изложения, сгладится острота проблемы, поставленная будущим знаменитым писателем. Поэтому приведем полностью (без купюр и комментариев) вторую часть критической статьи «По поводу заметки «Бедные труженики»».

«Вся Россия шагнула влево на путь демократизации, реформ; закипела работа в низах и верхах школы: работало министерство, объединялись в организацию родители, педагоги, учащиеся. Но потом пошли «задоринки», началась министерская чехарда; родительские комитеты, которые раньше так желали, чтобы школа управлялась ими, принадлежала семье, а не государству, не стали работать, педагогические советы тоже. Организации учащихся чувствовали себя слабыми для вмешательства в жизнь школы, да к тому же и слишком уповали на старших. Революционный год богат результатами: конфликт родителей и педагогов с министерством, разрушение контакта учащихся со старшими, стремление исключить учащихся из строительства школы, уклонение родителей и воспитателей в сторону домостроевского метода воспитания – вот итоги революционного года. Разочарование – самая скверная вещь! Это разочарование, подрывающее энергию, желание работать, в

полной мере испытали ученики. Было много обещано и... ничего не сделано; мало того, когда учащиеся не пожелали быть «объектами воспитания», а сами заинтересовались своей судьбой, то их не особенно деликатно отстранили. Все это, в связи с тяжелой внешней обстановкой, создает настроение, при котором работать почти нельзя. Виноваты здесь не учащиеся с их пресловутой ленью! Наступит ли время, когда, уяснив себе, что в дискредитированной старой школе мы хорошо заниматься не можем, воспитатели займутся серьезным рассмотрением школьного вопроса? Наступит ли время, когда прекратятся юмористические выпады А. Аверченко против учащихся?!»

В журнале «Школьные годы» был опубликован доклад комиссии по реформе средней школы, сделанный на 2-м Зауральском съезде учащихся: напечатано постановление съезда. В последнем провозглашалась бесплатность образования, единство и преемственность школы, представительство учащихся в родительских комитетах и педагогических советах с правом решающего или совещательного голоса, полная отмена школьного и классного надзора, отмена переходных экзаменов и переэкзаменовок с заменой их дополнительными занятиями с отстающими и др.

После опубликования материалов 2-го Зауральского съезда учащихся помещена заметка под заголовком «От редакции». По стилю изложения она как две капли воды похожа на проанализированную выше. Полагаем, что ее автором также являлся Алексей Югов. Приводим ее полностью. «В этих постановлениях 2-го Зауральского съезда учащихся вылились, кажется, все желания и мечты русской учащейся молодежи. Пройдут ли они в жизнь? Ведь большинство наших педагогов и родителей настроено слишком консервативно и не считается с голосом «школьника». Иной сердобольный папаша и теперь не прочь всыпать своему сынку розог 20-25, чтобы он только не смел свое суждение иметь. Да разве можно при подобном отношении наших, так называемых взрослых, создать новую школу?! Нет, гг. педагоги и родители, пока не будете смотреть на нас только как на инвентарь, пока вы не допустите к строительству нашей же собственной жизни, школа будет

по-прежнему однобокой, бюрократической, а ваши воспитанники в нравственном и умственном отношении – калеками».

На 24-й (последней) странице журнала «Школьные годы» опубликован отчет Союза учащихся средней школы о продаже овса и хлеба. Указывалось, что в кассу Союза поступило 668 руб. 93 коп. от реализации овса и 1328 руб. 85 коп. от продажи хлеба. Информация была подписана председателем Союза М. Юговым и представителем Союза по продаже зернового хлеба П. Бородиным. В трудное послереволюционное время гимназисты нашли один из путей оказания помощи бедным ученикам. Два члена редакционной коллегии журнала были напрямую связаны с Союзом учащихся средней школы. Логично допустить, что и Алексей Югов имел какое-то отношение к пополнению «союзной» кассы.

Таким образом, нами раскрыты некоторые биографические данные А. Югова, не упоминавшиеся в его жизнеописаниях, показана первая проба пера знаменитого советского писателя.

И. П. Яган,
член Союза писателей России

СЫН ЗЕМЛИ ЗАУРАЛЬСКОЙ

В марте 2002 года исполнится 100 лет со дня рождения нашего земляка, большого писателя Алексея Кузьмича Югова. Родился он в слободе Каминской Куртамышского района, входившей в ту пору в Оренбургскую губернию, 23 марта 1902 года. Отец его был волостным писарем. В Кургане Алексей Югов окончил гимназию. Вспоминая родные места, писатель находит нежные слова и возвышенные образы, воспроизведя то, что наполняло его душу с младенческих лет. Он так писал в своей биографии: «Тобол – река моего отрочества. Курган, Куртамыш, слобода Каминская – родные, незабвенные места... С какой явственностью встают на закате дней воспоминания детства, отрочества и юности, и какой отрадой наполняют они душу! Но и не только поэтому мне дорог Тобол и люди Тобола!.. Пусть никто не сочтет это пристрастием к родному

краю, если я с глубокой убежденностью скажу: «Тобол протекает не только по земле, но и по истории Отечества нашего!»»

Уже несколько поколений воспитывается патриотизму на юговской эпопее «Ратоборцы», включающей в себя книги «Даниил Галицкий» и «Александр Невский». По выходе «Ратоборцев» писатель Петр Павленко в своем отзыве писал: «Полотно огромное. События взяты в чудесном масштабе. Эпоха дана кистью смелого художника... Русь эпохи Невского и Галицкого показана так, как никогда еще не показывалась она в русской литературе...»

«Ратоборцы» написаны в пору расцвета таланта и творчества Югова. Но ведь до этого им были созданы роман «Бессмертие», «Записки разъездного врача», книги о великих русских ученых Павлове и Тимирязеве, многочисленные исторические исследования. Уже в те годы Алексей Кузьмич глубоко изучал древнюю историю Руси, исследовал этапы развития русской литературы и русского языка. Скрупулезно, с научной щепетильностью он исследовал историю создания «Слова о полку Игореве», сделал его перевод, расшифровал многие «белые пятна» в тексте этого гениального произведения. Как истинный патриот, Алексей Югов многие годы посвятил борьбе за чистоту русского языка, пропаганде его огромных изобразительных возможностей. Эта работа вылилась в книгу «Судьбы родного слова», а затем в переработанном и дополненном виде – в книгу «Думы о русском слове».

Вершиной творчества Алексея Югова стала диалогия «Страшный суд», за которую в 1972 году ему была присуждена Государственная премия. Сегодня нет смысла пересказывать какие-то подробности или содержание этого произведения, так как читатели знают о нем все. Достаточно подчеркнуть, что «Страшный суд» написан на фоне событий в Южном Зауралье в предреволюционные годы и годы гражданской войны.

Хотелось бы сказать несколько слов о моих встречах с Алексеем Кузьмичом. Но прежде я должен сказать о том, что Алексей Кузьмич многие годы поддерживал, точнее сказать, наводил тесные связи с земляками. У него была регулярная связь с областным комитетом партии, с литераторами области. Например, он принял большое

участие в литературной судьбе нашего земляка, писателя Павла Захаровича Кочегина. Он поддерживал его первые произведения, а затем дал Кочегину рекомендацию для вступления в Союз писателей. В свое время отзыв Югова сыграл важную роль в судьбе поэмы Алексея Пляхина «Алеша». Вот что писал он в своем отзыве о поэзии Пляхина: «Внимание мое особенно привлекла поэма Алексея Пляхина «Алеша». Поэтически ценно то, что старшее поколение юных ленинцев – комсомола в данном случае, в лице Алеши Рогачева вводит в память еще одну народную жертву, при том – героическую! И, оказывается, гибель Рогачева в руках классового врага предшествовала гибели Павлика Морозова и Коли Мяготина... Поэтически, на мой взгляд, поэма сильная, лирико- трагическая...»

Как и все люди моего поколения, впервые с творчеством Алексея Югова я познакомился, прочитав эпопею «Ратоборцы». Тогда, в первые послевоенные годы, деревенский мальчишка мог ли думать, что судьба когда-то сведет меня с автором этого удивительного произведения. Не мог думать об этом, прочитав юговские «Думы о русском слове». Тогда я постигал азы литературного творчества. На занятиях литературных объединений приходилось слышать выступления людей моложе меня, но умевших, как мне казалось, ошеломлять слушателей эрудицией, знанием иностранных слов.

Книги Алексея Югова, особенно «Судьбы родного слова», привели меня к убеждению, что не надо робеть перед этой псевдоэрудицией, что эти чуждые русскому языку слова необходимо изгонять, выжигать огнем из литературы, из устной речи. В этом во сто крат убедился после встреч с Алексеем Кузьмичом.

Впервые с ним встретились летом 1975 года, когда Алексей Кузьмич с женой Ольгой Ивановной посетили Курган. Меня, да и многих других писателей поразила удивительная скромность этого человека. Скромность, за которой выделась высочайшая культура, невообразимое огромное знание жизни, литературы, русского языка, истории человечества. Но как неназойливо, как незаметно обнаружили в нем эти качества! Помню, он сказал: «Цепкая, острая память, краснобайство – это еще не признак таланта. Талант – в богатстве, в состоянии души. Он проявляется на бумаге...».

Может быть, не тогда, а чуть позже я понял, как беззаветно, как страшно глубоко любил Алексей Кузьмич свою «малую родину», свою колыбель. Помнится, как мы, покойный Яков Терентьевич Вохменцев, Алексей Пляхин, Геннадий Устюжанин с Алексеем Кузьмичом и Ольгой Ивановной, пошли к зданию бывшей гимназии, где учился Алеша Югов. Тогда здание еще стояло, но уже готовилось к сносу. Оно было в городском саду. Войдя в полуразрушенное помещение, Алексей Кузьмич показывал: «Вот здесь была раздевалка, там вон – буфет, вот тут – наш класс, там – учительская...». Мы не заметили, что в стороне стояла согбенная старушка и все слышала. Она подошла к нам и сказала: «Алексей Кузьмич, вы все помните, все правильно указали... Я и вас помню... Я тогда еще девчонкой помогала маме убирать...» Алексей Кузьмич не сдержал тихих слез.

В тот приезд Алексей Кузьмич успел побывать в родном селе Каминском, на даче у писателя Николая Александровича Глебова, встретился с Терентием Семеновичем Мальцевым, побывал в институте Илизарова, в пединституте, на заводах.

Через некоторое время он прислал мне номер «Огонька», в котором были опубликованы его впечатления о поездке в родные места. Наша переписка стала регулярна. Вскоре мне пришла бандероль. В ней был двухтомник Алексея Кузьмича с автографом. Я понял тогда, что это было не столько проявлением симпатий ко мне, сколько данью любви к родине, к землякам.

Последние годы жизни Алексея Кузьмича Югова – это незабвенный пример и урок сыновней любви к отчему краю. После посещения Кургана он писал письма в наш город, по меньшей мере в десятки адресов. Его приезд на родину, его повышенный интерес к жизни нашего края говорит о многом. Сейчас я понимаю, что позвало его на склоне лет на родину. То была великая любовь к земле, вскормившей его, святой колыбели младенчества. Писатель, ставший при жизни гордостью России, пришел момшшмм и отчему краю. Теперь я знаю, почему одной из любимых песен Алексея Кузьмича была «Среди долины ровныя». Автор ее слов А. Ф. Мерзляков – наш земляк, уроженец Далматово. После, когда я бывал в Москве на писательских съездах и пленумах, Алексей Кузьмич

разыскивал курганцев. Я лично стыдился досаждать ему, но стоило позвонить ему по телефону, становилось ясно: встреча неминуема. Он всегда говорил: «Ольга Ивановна ждет вас, она вам не простит...». Алексей Кузьмич приходил на заседания, разыскивал курганцев на перерывах и буквально за рукав брал и уводил домой, на улицу Горького. В его московской квартире мне довелось побывать дважды. Вернее посчастливилось. Помню, как мы были в гостях у Юговых с Яковом Вохменцевым. Я с тихим восторгом, с робостью наблюдал, как и о чем говорили два человека, умудренные жизнью. Обоих объединяла любовь к нашему краю. С каким любопытством, я бы сказал, с жадностью Алексей Кузьмич расспрашивал о делах и жизни курганцев.

Помню, Алексей Кузьмич, не употреблявший хмельного, предложил: «А не спеть ли нам песню?» И запел «Среди долины ровныя». Я его поддержал. После песни он сказал мне: «Вот хорошо, Иван Павлович (он по причине интеллигентности никак не соглашался называть меня без отчества, хотя я ему годился в сыновья), – вот хорошо, как я рад, что Вы знаете эту песню. Передайте ее своим детям.»

Потом.. Потом были печальные вести...

Когда уже не было с нами А. К. Югова, в 1982 году, когда отмечалось 80 лет со дня его рождения, мне довелось от имени земляков выступить на вечере в Центральном Доме литераторов. По составу присутствующих на вечере, по выступлению ораторов, по отсутствию свободных мест в зале я тогда еще раз убедился, какой огромной любовью народа пользовался А. К. Югов, поистине народный писатель... На всю жизнь для меня останется живым образ Алексея Кузьмича Югова – большого писателя, великого патриота земли русской, учителя, Человека.

В. В. Усманов,
канд. пед. наук, генерал-майор,
военный комиссар Курганской области

РАТОБОРЕЦ ИЗ КАМИНКИ

В конце марта прошлого года читающая Россия отметила 95-летие нашего славного земляка, лауреата Государственной премии РСФСР имени Горького, замечательного писателя и публициста, глубокого историка земли русской Алексея Кузьмича Югова. Рожденный и вскормленный на живописных берегах батюшки Тобола, в слободе Каминской Куртамышского района, он вобрал в себя любовь к родному краю, к благодатной матери природе, к жизни и быту простых людей, их радости, горести, чаяния и заботы о дорогом сердцу отечестве.

Куда бы жизнь ни бросала Алексея Югова, он всегда помнил и трепетно хранил в сердце родную сторонку, образы своих земляков, с волнением писал, что «дорогой ему Тобол протекает не только по земле, но и по истории Отечества нашего!». По сердцу самого писателя, – добавил бы я. Потому Югову, может быть, как никому другому, удавалось подметить, зримо, ощутимо и тонко передать все, что его окружало, волновало и радовало. Увидеть в частичке земли нашей, ее истории, как в капле живой воды, всю матушку Русь.

Нашего земляка всегда увлекала и волновала самобытная история государства Российского. Он один из немногих писателей «копал старательно, осторожно и глубоко, чтобы познать: кто мы есть, гордые русичи, на земле своей и в большом мире.» Его стремление познать великий свой народ, его родословную воистину удивляет.

Как надо было знать летописи, мировую литературу, историю и культуру от седин древности и до наших дней, чтобы понять, найти и донести до наших поколений подтверждение того, что наш народ издревле был известен всей Европе, что славный герой древнегреческих мифов «Илиады» и «Одиссеи» Ахиллес

богоравный и его чудо-богатыри дружинники – выходцы из Российского Причерноморья. Наши дедичи!

Да, удивительным талантом обладал наш земляк, чтобы из сухих древних летописей и фантастических мифов великих греков «добывать» такие изумительные самоцветы, которых тысячи и тысячи исследователей даже не могли предположить, а не только заметить.

Югов, историк, великий патриот Отечества и ученый, не мог поверить, что наш богом одаренный и талантливый народ появился на земле неведь когда и откуда, почему ему отказано в существовании в древнейшей мировой истории. Не мог народ- пена, появившийся из ниоткуда, нести в себе такое богатое наследие во всех областях бытия, культуры, самосознания. Даже быть просто патриотом земли своей и Отечества. Сыщите еще такой народ на планете!

Познавая из глубин древнейших летописей трагедии и беды народные, писатель глубоко осознал, что величие и сила народа в единении, в знании своего прошлого, глубокой истории. Герои его книг, наши предки, выписаны ярко и правдиво, они, как сегодняшние наши братья, мы с вами, живут теми же заботами и тревогами, стремясь жить и творить дела свои во благо и на пользу Отечества. Для них родная земля, судьба русича дороги, как младенец для родной матери.

Посмотрите, как трагично, высоко и многозначительно звучат и сегодня слова Александра Невского перед его кончиной: «Об одном скорблю: борозда моя на русской земле не довершена. Раньше срока плуг свой тяжкий покидаю!..»

Эти мысли да слова в уши бы нынешним руководителям славянских народов бывшего великого Отечества. Не распирало бы их от пустой гордыни, не мыкались бы по свету неприкаянными миллионы россиян, украинцев и белорусов, простых людей других братских национальностей.

Неужели могли бы Даниил Галицкий или Александр Невский, главные герои исторической эпопеи Алексея Югова «Ратоборцы», даже предположить, что на пороге XXI века славянские народы нашего великого ранее государства, воспитанные и закаленные на

общей борьбе с иноземцами, попираемые и с Запада, и с Востока, могут разбежаться по своим углам и поместьям на потеху всему миру, ослабляя себя политически и экономически: одни – пытаться счастья у бывших своих притеснителей, другие – упрямо сеять недоверие между народами-братьями.

Мы знаем, этот эксперимент будет провален в очередной раз. История повторится, но только сколько бед будет испытано, сколько времени попусту утрачено. Заложником игры недалеких политиканов в очередной раз стал народ славянский.

Конечно, нынче с помощью компьютерных систем и советчиков с Запада можно смоделировать различные принципы экономики, можно даже пытаться сделать «евроремонт» в нашем славянском самосознании, но нельзя погасить очаг культуры, у которого многие десятки поколений наших народов росли и мужали как нации, которые благодаря общению дополняли и обогащали друг друга, не растворившись в массе тевтонов и татаро-монгольских племен, а путем жестокой борьбы, порой стоя по колено в крови, сумели отстоять себя как народы, не допустив размыва своей многовековой культуры.

Славяне в этой борьбе за самобытность и жизнь не только устояли, но и мир вздрогнул от рождения у славянских народов настоящих титанов и гигантов в области литературы, музыки, науки, у которых учится сегодня все человечество. Россия по воле разных обстоятельств щедро разбросала по иноземным квартирам славянские имена, прославившие и там свою историческую родину.

А что сейчас? Какое поколение грядет? То, с чем небезуспешно боролись наши предки, тихой сапой вползает в души молодых россиян, растлевая и уничтожая то самобытное, что веками охранялось и развивалось, - само понятие русского народа, русича, славянина! Ныне нашу жизнь заполонили чужеземные идеалы чистогана, словечки типа «саммит», «шопинг»..., фильмы и книги, не шедевры искусства, которые мы рады были бы принять у себя, а низкопробная похабщина, с чуждыми нам нравственностью и моралью. Из сознания россиян вытравляется все великое и снятое, что связывало наши народы на протяжении многих веков. В ход идут уничижительные псевдоистории о ленинстве славян, об их

второсортности, неспособности самостоятельно устроить свою жизнь.

Какая чушь! Когда каторжан со всех колоний кичливой Англии высаживали в Австралии и Северной Америке – это была защита европейских цивилизаций от извергов рода человеческого. Теперь эти людишки, замешанные на воровских законах и традициях, путем геноцида уничтожившие коренные народы земель, где сами ныне проживают, пытаются с самодовольностью ожиревших каплунов поучать славян, сохранивших с древнейших времен свою самобытность и неповторимость, как нам устраивать жизнь.

Прискорбно, горько сознавать, что ведь находятся же у них высокие приспешники в славянских народах, которые за куриные окорочка, лапки, жевательную резинку и яркую обложку заграничного пойла ввергают своих соотечественников в пучину общества, самопожирающего себя, общества рабов с разной степенью свободы: одних – в золоченых клетках-особняках и дорогих автомобилях с толпой охранников от своего народа, других – полунищих, в разваливающихся квартирах, с унижением ждущих гуманитарной подачки, но все равно рабов.

Неужели мог замечательный писатель-романист Алексей Югов предположить, что через какой-нибудь десяток лет после ухода его из жизни кривляющаяся пошлая рожа заморского наркомана с экрана, пустые песенки с сексуальным придыханием приматов и прочие элементы «свободной» культуры так называемых «цивилизованных» стран заполнят теле- и радиоэфир его Отечества? Мы, подарившие миру Пушкина, Гоголя, Шевченко, Якуба Коласа, создавшие уникальные по своей силе и воздействию на чувства людей балет и театр, станем подражать наркоманам и гулящим девкам с Бродвея, умиляться «кузнечиками» с Монмартра?

Да, наши славянские народы никогда не отторгали образцы настоящего искусства и культуры, когда это были действительно великие творения, достойные нашей и настоящей мировой культуры. И будем аплодировать таковой всегда. Но посмотрите, с каким сатанинским хладнокровием, пользуясь тяжелейшим экономическим положением переходного периода, нам насаждают зерна ненависти друг к другу.

Многие руководители славянских государств или совсем не знакомы с отечественной историей, или плохо книжки читали, если забыли наказ предков: бойтесь «данайцев, дары приносящих». Никто и никогда из западного мира задаром нам ничего не даст! Расчетливая, хладнокровно все просчитывающая, поднаторевшая на грабежах колоний финансово-промышленная рать, не имеющая национальности, даром ничего не давала. За все придется платить! И не только материально. Западные торгошники, как черти, – душу русскую в залог потребуют.

Рачительно хозяйствовать, в конце концов, мы сами научимся, но вот сохраним ли те качества, которыми до сих пор восхищаются так называемые «цивилизованные» страны? Наш дух, мораль, нравственность, широту души. Или общество потребления «сытого животика» превратит нас в прилизанных «гансиков» с угодливо бегающими глазенками, хихикающих по поводу и без повода и почитающих рекламные клипы за вершину театрального, а торговые вывески – изобразительного искусства?

Раздираемые противоречиями, славяне не заметили, как вокруг них стал образовываться вакуум. Народы, исповедующие другую, чем славяне, религию, но за многие века привыкшие чувствовать себя свободно и удобно в соседстве с богатырями-народами, вдруг почувствовали на себе холодок в отношениях даже внутри России. Это ли не показатель разрушения культуры совместного проживания? Где же наша, издревле сложившаяся, гордая, но отзывчивая душа? На что мы променяли свою честь, совесть, милосердие, обрушив горы раскаленного металла на людей своего же государства? Горе! Горе! Ни одна мать, любой национальности, не поймет, почему уничтожаются ее малолетние дети, престарелые люди, как «государственно» ни назови цели, ради которых это происходит.

Эх, славяне, славяне, где наша доброта, снисходительность большого, душевного, справедливого и сильного защитника, – все, что притягивало к нам на протяжении столетий другие народы?

Богачи от рождения, мы беспечно транжирим все, что пращуры собирали по крупицам и оставили нам, живущим сегодня, в наследство. Какая дикая неосмотрительность, недальновидность,

серость мышления! Пойдем же, наконец: свою землю ни один народ никуда унести не сможет, мы все обречены жить рядом, и какие мы будем в этом большом доме, населенном сотней народов, от этого будет зависеть, кто мы в своем доме и в этом мире. Отпугивая от себя других, славянские государства и между собой не добьются единения. Не пример ли этому Балканы? Мир треснет, если, не дай бог, случится подобное у нас.

Вот о чем думать надо, вот чему учат нас «Ратоборцы», написанные нашим земляком, большим патриотом земли русской, Отечества Алексеем Юговым.

Россия своими недрами, природными богатствами всегда вызывала волчий аппетит у захватчиков, а сейчас, когда «техногенные процессы» пожирают мировые запасы полезных ископаемых с громадной скоростью, для многих стран наличие в России громадных природных запасов становится основой в разработке их далеко идущих стратегий и планов. Вот откуда и для чего расширение НАТО на Восток, подогревание сепаратистских настроений внутри России, поддержка напряжения между когда-то братскими народами и республиками бывшего Союза ССР. Оставить Россию в изоляции, наблюдать, как в ней развиваются разрушительные процессы, затем объявить это опасностью для всего мира и далее повторить «балканский вариант».

Неужели сегодняшние руководители страны настолько оболванены сладкими речами Биллов, Гельмутов и подобных им «учителей»? Или забыли мы, что не они управляют у себя в государствах, они лишь представители ненасытно-жадной олигархии, которая осуществляет политику этих государств. Если мы мыслим, что после нас должно остаться сильное государство, то разве можно проводить такую политику, как сегодня? И дело не только в бряцании железными мускулами, в чем могут обвинить меня читатели, не в политической агрессивности, в чем нас все еще обвиняют на западе. Компонентами сильного государства являются не только мощная армия, это даже не в первую очередь, а мощный интеллектуальный, духовный, культурный и научный потенциал.

Гордое самосознание себя Великой нацией будет пустой похвалой и зазнайством без стройной системы всеобщего

образования, развития науки, культуры, всех видов искусств. И все это у нас есть, а чего нет, то можем достичь на основе того мощного интеллектуального пласта, тех корней, которые идут из Киевской Руси, Петровской и Екатерининской России, из самой гущи народа, который пережил столько правителей и войн, но остался самобытным, со своим, только ему присущим, культурным обликом. Это ли не показатель жизнеутверждающей мощи славянского бытия?!

Так какого рожна нам надо? Что мы плутаем, что мы все хотим кому-то подражать, кому-то понравиться, когда другие, «цивилизованные», страны понастроили сотни университетов, чтобы изучать нас, наш характер, наши потрясшие весь мир успехи отраслей, нашу культуру, чтобы хоть как-то прикоснуться к ним!

Гордость и величие нации не в сытом, округлившемся брюшке. В первую очередь, гордость и величие нации в ее видении и понимании своей истории и своего будущего. Все остальное преходяще.

В наше бурное, противоречивое и смутное время мы должны еще и еще глубже вчитаться в книги, созданные нашим славным земляком Алексеем Юговым, где зажжены зарницы добра и правды, накопленные нашими отцами и прадедами на протяжении многих столетий. Он высветил мудрые мысли, он учит нас быть ратоборцами Отчизны. Поклонимся же такому человеку и учителю.

А. Д. Белоусов,
Каширинский литературно-краеведческий
музей им. В. К. Кюхельбекера

ПИСАТЕЛЬ, ЗЕМЛЯК, РАТОБОРЕЦ

В который раз в раздумье останавливаюсь перед витринами с книгами и стендом, рассказывающим об Алексее Кузьмиче Югове, земляке-писателе, тоболянине, как он сам себя называл.

Чем он сегодня дорог мне, читателю теперь уже 21-го века? Своим образным и точным, русским изначально языком? Да, конечно. Вот уж и первый рассказ из имеющихся у нас в музее

говорит за это – «Прилепышек». Одно название какое теплое, деревенское, не придавленное каменными джунглями городской действительности.

Болью, заботой о родном крае? Да. И это слышу уже в первом его рассказе. И сегодня проблема брошенных детей существует, вопиет. Но тогда-то ее решили, да и как иначе, если герои рассказа столь заботливо и яростно готовы бороться за счастье маленького «прилепыша».

Беру в руки более позднее произведение. «Ратоборцы» – эпопея в двух книгах. Судьбы России 13-го века. Два князя, исполины по духу. Даниил Галицкий и Александр Невский. Их встреча на берегу Волги, тайком от соглядатаев, коих немало к горю земли Русской. Их беседа. Как не процитировать: «...Мономаховичи, одного деда внуки, – о чем говорили они? О многом. И о земле, и о семьях. И о Батые, и о святейшем отце... И князь Галицкий развернул перед юным братом своим улики чудовищного заговора против Руси. Германия. Тевтоны. Меченосцы. Шведы. Фридрих Гогенштауфен, фон Грюнинген, ярл Биргер фон Фолькоунг – ведь это же отбор среди лучших стратегов Запада! Все это ринулось против Батыя, нет! – а против христианской Руси: против Александра и Новгорода, против Даниила и Волыни!»

Начав читать «Ратоборцев», уже не остановиться. Страницы и главы невеликой по объему эпопеи заставляют страдать всей душой за предков, за спасаемую ими Русь изначальную, ее будущее. Еще цитаты, разговор князей Александра и Андрея Ярославичей, спор яростный. «И как ты не хочешь понять! – гремит Александр. – Кабы татары одни! А то ведь татары – это только...таран!... Чудовищный таран. И он уже было покоился, этот таран. А кто же снова подымает его на нас? Кто его раскатать снова хочет? Папа! Рим! Да еще рижаны – божьи дворяны!».

Читаю повествование и ловлю себя на том, что верю автору, его речестрою, его видению проблем и забот и описанию событий тех, и всему, что раскрывает картину дней давно минувших. И даже не верю, а верую. Без исключительного мастерства автора это, конечно же, недостижимо.

После «Ратоборцев» в руках книга иного содержания – «Думы о русском слове». Наполнение другое, а вот содержание... пожалуй, о том же. О любви к России. К той, словами поэта-современника Югова, где «и роса, и синее что-то». Сколько удивительных открытий дает мне книга, если следовать за автором в его исследованиях истории слова! А слова-то какие он показывает! Маленький пример: зимнее – сувои, летнее – гнуткое удилище, и много еще удивительного, из нашей речи потерянного, забытого. Троя, Троянская война, князь и добрый воин Ахиллес, по Югову – князь-то русский! И испытываешь вдруг особое чувство, если не гордости, то уж удовлетворения за древнюю историю моей страны, предков. Которую знать и помнить должно, гордиться ее подвижниками нужно.

Дата на титульном листе книги «Павлов» в дешевом переплете говорит еще и о том, что из слов и мыслей моего земляка лилось оружие Великой Отечественной. А как иначе можно сказать о книге, выпущенной в разгар Сталинградской битвы? А ведь содержание книги выигрывает и оттого, что автор, мастер слова и образа, еще и врач.

В 1945 году был издан исполненный Юговым перевод «Слова о полку Игореве». Из отзыва о работе академика Александра Сергеевича Орлова: «...Работа А. К. Югова будит мысль и стремится сдвинуть понимание «Слова о полку Игореве» с шаблонной позиции». Эти слова можно отнести не только к этой выдающейся работе нашего земляка.

Именно к отступлению от шаблонного изложения можно отнести описание событий начала 20-го века с революциями и гражданской войной в романе Алексея Кузьмича Югова «Страшный суд». Написан роман в 60-е годы, а в 1972 году автору была присуждена Государственная премия РСФСР имени Алексея Максимовича Горького. Сам он считал эту книгу заглавной в своем творчестве. Именно страницы «Страшного суда» читал он своим слушателям в одной из аудиторий педагогического института в 1975 году, посетив родные ему Курган и область с рекою Тоболом, «слободой» Каминской близ Куртамышя. В романе показаны богатые и бедные, белые и красные, атеисты и верующие, те люди, что жили на

просторах от Тобола до Томи, сибиряки. С каждым из них автор пережил всю трагедию смутного времени. Герои его словно бы предостерегают нас, живущих ныне. Да, видно, все не впрок.

В отдельных эпизодах романа как будто видишь день текущий. Пример о деревне: «...недавно еще мужик платил за пуд подковочных гвоздей три рубля пятьдесят, а теперь трудно стало достать за сорок. А пшеничку им в город повезти за два пятьдесят».

Есть в этом романе у Югова фраза: «Созидать грядущую Россию». По-разному видели герои пути этого созидания. Один из офицеров-фронтовиков в полемике о новом строе говорит такие слова: «А что касается меня, то со мною, с человеком, чью кровь, за Россию пролитую, они, господа большевики, спустили в черную яму Бреста, – им со мною до гроба не рассчитаться. До моего или ихнего гроба». Выходит, причинами ожесточения гражданской были не только ненависть бедных к богатым. Не пустым звуком был лозунг «За единую и неделимую Россию». Сегодня-то это осознаешь воочию. Выделил писатель причины выступления – против Советской власти чехословацкого корпуса, образно, четко и кратко выделены они, эти причины. Во всем чувствуешь руку исследователя, изучившего эту эпоху досконально по многим и многим источникам.

Я как читатель спрашиваю себя: как мог один человек уместить в себе знания от времен Киевской Руси до дня сегодняшнего? Из воспоминаний современников об Алексее Кузьмиче известно, как он работал над своими произведениями. Готовясь к работе над текстом «Слова о полку Игореве», он не только изучил множество первоисточников, но и многие летописи для лучшего проникновения в атмосферу того времени переписывал с оригиналов.

Может, это объясняет наличие мощного фундамента его произведений, живого русского языка, вложенного в уста героев, яркие характеры которых, безусловно, выигрывают, приобретают черты индивидуальности. Не в седую древность уходит писатель Югов вслед за героями своих произведений. Он современен. Его герои любили родину. Автор показывал через них острые углы в русской действительности, опасности для державы, не стеснялся сказать о своих опасениях, да видно, не слышим его до сих пор.

Вернемся снова ко князю Александру Ярославичу Невскому. Какой бедой он считал проникновение католичества на просторы России, вступая в смертельную схватку за веру православную!

Югов современен как патриот, как государственник. Современен языком своих удивительных произведений. У себя в музее мы показываем несколько изданий «Страшного суда», «Ратоборцев», «Отважного сердца», романы «На большой реке», «Бессмертие», сборник статей под общим заголовком «Думы о русском слове» и ее первый вариант «Судьбы русского слова», книги, посвященные корифеям русской науки «Павлов», «Тимирязев», копии первых произведений писателя, многочисленные фотографии. Уместно заметить, что многие книги с автографами, в том числе с дарственными, нашему музею.

Югов современен своей борьбой за великий и могучий русский язык именно сегодня. Именно сегодня обнаруживаешь, что в хаосе фактов и событий Алексей Кузьмич сумел отыскать и обнаружить те непреходящие ценности, вокруг которых многие столетия зиждется вся русская действительность, сама жизнь.

Четверть века тому назад во время посещения им нашего музея в записи сохранились его фразы:

«- Нам надо учиться у русского языка, а не учить русский язык».

«- Мы не единые хозяева у русского языка – есть предки и будущие жители».

А вот письмо, которым он предварил один из подарков музею.

«Дорогой Дмитрий Андрианович! Прошу в руководимый вами Каширинский литературно-краеведческий музей принять новую книжку Бориса Викторовича Шергина с моим предисловием. Шергин – это Бажов поморского Севера. И оба они у меня – в числе любимейших русских писателей.

Много лет я ратую за Шергина. Мое предисловие пусть будет моим правом для дарственной подписи! Приветствую юных земляков моих!

Алексей Югов. 8.12.1971 г.».

Хотелось, чтоб в юбилейный год как можно больше читателей появилось у нашего замечательного земляка, чтобы они

почувствовали вместе с ним и любовь к Отечеству, и заботу о создании в нем достойной жизни.

Е. И. Киричева,
Гос. архив общественно-политической
документации Курганской области

ДОКУМЕНТЫ А. К. ЮГОВА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ АРХИВНОГО ФОНДА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Немало всегда было среди зауральцев людей, чьи имена прочно и неразрывно связаны с отечественной наукой, литературой, искусством. Одно из таких имён, составляющих славу и гордость Зауралья, принадлежит русскому советскому писателю Алексею Кузьмичу Югову.

Обширно его литературное наследие. Широкому кругу читателей известны его романы «Бессмертие», «Ратоборцы», «На большой реке», дилогия «Страшный суд», за которую писатель был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии РСФСР им. Горького, другие произведения. Он незаурядный переводчик и комментатор памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», автор документальных повестей об И. П. Павлове и К. А. Тимирязеве, многочисленных очерков.

А. К. Югов никогда не прерывал связи со своей малой родиной. «Тобол – река моего детства. Курган, Куртамыш и слобода Каминская (так по старому именовалась она) – родные, незабвенные места», – писал он своим друзьям. В центральной печати он опубликовал несколько очерков о родной курганской земле, её людях, активно переписывался со многими зауральцами. В 1975 году Алексей Кузьмич посетил родные места, что также отразилось на его творчестве.

Основная часть литературного наследия писателя, рукописи его произведений находятся на хранении в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге, остальные же материалы дочь писателя Татьяна Алексеевна и её муж Владимир Павлович Серебровский,

являющийся ответственным секретарём комиссии по сохранению литературного наследия Югова, передали на его родину, в Курган. Комплекс этих документов и материалов, характеризующих литературную и общественную деятельность писателя, составил в Курганском областном архиве общественно-политической документации фонд Алексея Кузьмича Югова.

В данном фонде представлены рукописи и публикации, издания художественных произведений писателя, многочисленные статьи и очерки, документы биографического характера; переписка с издательствами, писателями, критиками, читателями, среди которых письма и автографы Валентина Катаева, Мариэтты Шагинян, Александра Фадеева, Максима Рыльского, Всеволода Иванова, Ефима Пермитина, Сергея Баруздина и других известных писателей.

Большую ценность представляют материалы о творчестве А. К. Югова. Это рукописи и публикации литературоведческих статей, заметки полемического характера. Сред книг и статей о творчестве писателя, безусловно, вызовет интерес монография критика Н. Ф. Далады «Алексей Югов. Критико-биографический очерк» и диссертация А. А. Смирновой «Художественная проза Югова А. К. 40-60-х годов».

Особо следует сказать об эпистолярном наследии писателя, также представленном в его личном фонде. Сохранение этого наследия – заслуга жены писателя Ольги Ивановны, самоотверженно исполнявшей всю жизнь обязанности его секретаря и сохранившей не только письма к Югову, но в копиях и его ответы на них. Среди людей, состоявших в переписке с Алексеем Кузьмичом Юговым, было несколько десятков корреспондентов из Курганской области. Местные писатели, журналисты, архивные и музейные работники рассказывали ему о наиболее значительных культурных событиях на его родине, о проблемах писательской работы, просили помощи в публикации. В фонде представлены письма А. К. Югова В. П. Бирюкову, поэтам Я. Т. Voxменцеву и А. М. Пляхину, писателю П. З. Кочегину (г. Куртамыш), журналисту А. Е. Кошелеву (с. Кетово).

Появление фонда А. К. Югова в Кургане предоставляет широкие возможности для изучения его творчества здесь, в нашем крае, не выезжая в архивы Москвы и Петербурга. В первую очередь эти

возможности смогут использовать студенты и преподаватели филологических факультетов вузов, учителя и учащиеся школ для подготовки уроков, занятий литературных кружков и т. д. Интересно будет поработать с материалами фонда А. К. Югова специалистам по проблемам русского языка: в фонде имеется ряд статей и очерков о русском литературном языке, опубликованных писателем в 1950-1960-х годах. Это статьи «О языке художественной прозы», «Точность, ёмкость, вещественность». «Изобразительная сила слова», «Россыпи русского слова» и другие, которые впоследствии вошли в книги «Судьбы родного слова» (1962 г.) и «Думы о русском слове» (1972 г.) Эти работы заслужили высокую оценку в Союзе писателей СССР. В спорах с лингвистами, пытающимися нормировать русский язык, писатель неумолимо отстаивал самобытность русского языка. «Язык. Слово человеческое!.. Какая другая сила на земле может сравниться с этой безмерной силой?» – писал Алексей Кузьмич. Думается, что не должны обойти вниманием эти материалы и представители органов власти, специалисты-языковеды, журналисты нашей Курганской области – все, кто принимает участие в разработке и реализации областной программы «Русский язык».

В последнее время учителями практикуется проведение самых разных форм уроков, в том числе совместных уроков истории и литературы. Для них учителя и учащиеся смогут найти в фонде А. К. Югова достаточно интересные материалы, например, статью «Малая пугачёвщина на Тоболе», очерки о Курганской области «Восточнее Урала» и «Дорогие мои земляки», публикации на исторические темы: «Из глубины веков», «Ожившие голоса», «Не могу согласиться», историческое повествование об обстоятельствах гибели царевича Дмитрия и другие материалы.

Фонд А. К. Югова собрал все его выступления, статьи, письма, публикации, напечатанные в разное время в разных газетах и журналах, и это, конечно, очень удобно для работы исследователей.

Заслуга в создании фонда писателя, нашего земляка, принадлежит историку-архивисту, краеведу, заслуженному работнику культуры Российской Федерации Мозину Михаилу

Матвеевичу, которым был привезён в Курган и обработан весь комплекс документов, переданный родственниками А. К. Югова.

Сохранение творческого наследия писателя на родине, создание его личного фонда в областном государственном архиве общественно-политической документации значительно обогащает архивный фонд Курганской области.

О. В. Луцко,
искусствовед,
Курганский областной
художественный музей

**ОБРАЗ ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСЕЯ ЮГОВА
В СКУЛЬПТУРНОМ ПОРТРЕТЕ РАБОТЫ В. П. АСТАПОВА
В ЭКСПОЗИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ**

Имя талантливого писателя Алексея Кузьмича Югова известно многим. Его наследие по праву вошло в фонд лучших образцов словотворчества отечественной литературы. Память о писателе-земляке живет в его творчестве; его образ – художника слова, филолога, человека большой теплоты души, увлекательного собеседника – сохраняют воспоминания современников.

В коллекции Курганского областного художественного музея находится «Портрет писателя Алексея Югова», выполненный ленинградским скульптором, лауреатом Государственной премии РСФСР им. И. Е. Репина – В. П. Астаповым.

Судьбы Алексея Кузьмича Югова и Василия Павловича Астапова, как мне показалось, имеют некие «вневременные» точки пересечения. Творческие личности, оба испытывали пристрастие к поэзии, писали стихи. В биографии студенческих лет того и другого – город Одесса, где начали формироваться идеалы, творческие позиции, жизненные устои. А. К. Югов учился в Одесском медицинском институте, – именно тогда, в начале 1920-х годов, появилось увлечение поэзией, первые пробы пера. Одесса для В. П. Астапова связана, прежде всего, с учебой в художественном

училище (1937-1939 г.г). Поэзия как для будущего писателя А. К. Югова, так и для будущего скульптора В. П. Астапова, была всплеском, вдохновившем на все дальнейшее творчество. Как написал об Астапове Михаил Дудин, «...неисповедимы человеческие пути! И в каждой судьбе есть своя закономерность. Наверное, в том, что он перестал писать стихи и взял в руки резец, была своя, единственно правильная необходимость. Важно то, что поиски, какими бы они ни были, привели к празднику результата этих поисков».

В жизненном и творческом багаже В. П. Астапова – учеба в институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (Ленинград, 1945-1948, 1959-1960), постоянное участие во Всероссийских, Всесоюзных выставках с 1954 года. Но еще до этого – увлечение рисованием, когда уроки в школе вела скульптор Е. И. Мроз; первая самостоятельная работа – барельеф В. И. Ленина, первый успех и принятие единственного решения – быть скульптором. Стихи В. Маяковского, «Как закалялась сталь» Н. Островского – настольные книги, как моральный и этический кодекс жизни. Романтика революции воспитала требование к полной самоотдаче. Оставив скульптуру в конце 1939 года, он идет добровольцем на войну с белофиннами. Великая Отечественная война позволяет делать лишь зарисовки между боями. Выполненные в это время несколько скульптурных работ не удовлетворяли требовательности автора, который осознал, что кроме желания творить в искусстве необходим тяжелый, самозабвенный труд. В 1945 году В. П. Астапов становится студентом Всероссийской Академии художеств. Его учителем был скульптор В. А. Синайский, руководителем дипломной работы стал известный скульптор М. К. Аникушин.

Активная жизненная позиция сказалась в выборе персонажей произведений Василия Павловича Астапова, – людей, наделенных сильным духом, привлекающих нестандартностью характеров, судьбы которых тесно переплелись с судьбами страны. В. П. Астапов стал известен как автор скульптурных композиций, в т. ч. монументальных. В скульптурах, выполненных в гипсе, бронзе, мраморе, граните – череда современников, людей разных возрастных

рубежей и профессий. Но в творчестве В. П. Астапова особое место занимает жанр портрета. В его портретной галерее – большевик Чернокозов, учитель Кашинцев, хлопкороб Закиров, полярник Муров, поэтессы Анна Ахматова, Ольга Берггольц, Константин Станиславский. Но при всей ярко выраженной индивидуальности этих людей в них есть то общее, что объединяет эти образы. Это люди с сильным, не сломленным нелегкой жизнью характером, большой внутренней энергией и сильной волей. Василий Павлович Астапов сам наделен этими качествами характера и его притягивают люди, обладающие ими. Он говорит о людях, обладающих особыми внутренними и пластическими качествами, благодаря которым удается создать произведение: «...поверьте, но я глубоко убежден: у каждого художника есть «свои герои»: одни могут изображать детские портреты и портреты девушек лучше, чем другие художники. Им не даются портреты людей, проживших большую трудную жизнь, людей, становящихся солью своей земли, умудренных житейским трудовым и творческим опытом. Таких людей мало кто лепит, они требуют не формального пластического подхода, а глубоко психологического проникновения в свою суть. Иные художники, изображающие таких людей, останавливаются лишь на чисто формальном (часто просто натуралистическом) сходстве...»

В ряду этой галереи современников и стоит портрет Алексея Кузьмича Югова, являющийся одним из лучших произведений скульптора. Портрет психологичен. В нем передано не только внешнее сходство, а глубоко прочувствованное личное и заинтересованное отношение автора к модели. Запрокинутая и слегка наклоненная к плечу голова, отражение подвижности мимических черт лица, напряженные брови выдают черты незаурядности русского интеллигента, человека и писателя большой силы воли, страстного темперамента. Найденный скульптором особый разворот подчеркивает артистичность и художественность натуры.

Ощущение внутреннего напряжения усиливает очень свободная, динамичная «импрессионистическая» манера лепки. «Подвижная» трактовка фактуры создает эффект игры светотени, придавая

дополнительную экспрессию скульптуре. В. П. Астапов вспоминает, как «однажды в мастерскую как-то тихо и слегка бочком вплыл», как раньше любили выражаться, «господин почтенного возраста» и «респектабельного вида»... Он сначала показался мне несколько угловатым и медлительным, хотя под пиджаком четко прочерчивались суховатые и широкие плечи, на которых чуть-чуть с наклоном вправо лежала породистая голова с удивительным лицом, в котором все было замечательно интересным: и нос с горбинкой, и губы, несколько передернутые какою-то скрытою болью. Все это, вкуче с привздернутыми в трагическом изломе бровями, сообщало облику Югова некое героическо-страдальческое выражение». (Недаром, как в одном из последних писем А. К. Югов рассказал В. П. Астапову, кто-то из его гостей назвал портрет «прикованным Прометеем»). И далее: «...Мне, как скульптору-портретисту, очень важна встреча с человеком, наделенным такими яркими и счастливыми качествами индивидуальных черт, где все детали лица одновременно и необыкновенно выразительны, и характерны, и казалось бы, некрасивые люди становятся для нас прекрасными, как всегда прекрасна соразмерность и гармония... Детали лица и сама форма головы, и то, как она посажена на плечи, – все настолько связано между собой, что кажется, имей художник в своем распоряжении только одну какую-нибудь из этих деталей, по ней уж можно воссоздать и голову, и весь облик, всю фигуру человека. Еще совсем не зная его, я уже для себя решил, что этого-то человека не вылепить нельзя, не имею права упустить такой редкий подарок случая... Когда мы расставались с Алексеем Кузьмичом, он пообещал «с великой охотой» попозировать мне.» Портрет кажется выполненным «на одном дыхании». И, словно подтверждая это, В. П. Астапов вспоминает: «...С ним мне работалось легко, хорошо и спорно. Конечно же, потому, что уж очень хороша и интересна была сама модель... Югов, конечно же, был романтиком не только в своих романах, но и в теоретических изысканиях. Он шел с «открытым забралом» на своих соперников-«книгочеев» (как он их называл), ниспровергая устоявшиеся авторитеты в литературоведении. Он был бойцом, он был раним. Он страдал и боролся за чистоту и необыкновенное богатство языка россос. Это битва, хоть и не на

поле брани, требует от воителя много сил и энергии, требует мужества и жертв. Таким я его и запомнил. Частицу этого своего ощущения я старался передать в его натурном портрете». Изначальный вариант скульптуры был выполнен в 1971 году в тонированном гипсе. Несмотря на непрочность материала, этим портретом В. П. Астапов участвовал на самых больших и престижных выставках страны.

История появления произведения в фондах Курганского областного художественного музея имеет, видимо, свою закономерность. После открытия в 1982 году, музей, став главным хранилищем произведений изобразительного искусства в области, имел счастливую возможность активного пополнения фондовой коллекции. Уже после смерти А. К. Югова, его родственники – дочь писателя Татьяна Алексеевна Серебровская и ее муж, Владимир Павлович Серебровский, секретарь Комиссии по литературному наследию Югова, побывав очередной раз на родине писателя, высказали пожелание о приобретении художественным музеем скульптурного портрета.

Мастерскую скульптора посетили сотрудники музея, дав согласие на приобретение произведения. Затем, в 1984-1985 годах, завязалась переписка директора музея Б. В. Владимиров с В. П. Астаповым. Музей заверил автора, что приобретет бюст писателя Югова с условием перевода скульптуры в бронзу. В 1984 году скульптура была отлита в бронзе, после чего, как свидетельствует переписка, шли продолжительные уточнения деталей с доставкой и приобретением портрета.

Волнения В. П. Астапова закончились, лишь когда пришло сообщение о доставке груза в Курган и скульптура была получена художественным музеем. Автор, деликатно извиняясь за то, что «запамятовал» должность Матвеева, пишет: «...во всяком случае, мне, как автору, приятно, что бюст А. К. Югова и тов(арищу) Матвееву, и, как Вы пишете, «всем понравился». Это приносит автору удовлетворение, ведь, как говорят в народе, мы живем не хлебом единым. Я сам считаю, что «писатель Алексей Югов» стоит в одном ряду (если не выше) с такими моими портретами, как писатели «Давид Кугультинов», «Мустай Карим», «Михаил Дудин»,

как «Боксер Иван Князев», «Монгольский скульптор Санжа Дамбий» и некоторые другие из созданных мною многочисленных портретов. И благодарю Вас за то, что бюст Алексея Югова находит место в экспозиции Вашего музея на родине писателя...» (из письма В. П. Астапова Б. В. Владимирову 19 июля 1984 года). Такая авторская оценка портрета талантливого писателя-земляка, находящегося в экспозиции художественного музея, дает право гордиться им, считая его творческой удачей скульптора и одним из ярких произведений коллекции.

Т. В. Есина,
Областная библиотека им. А. К. Югова

ДЕСЯТЬ ЛЕТ С ИМЕНЕМ А. К. ЮГОВА (Деятельность КОУНБ)

Для Курганской областной универсальной библиотеки им. Алексея Кузьмича Югова 2002 год – юбилейный вдвойне. В этом году мы отмечаем 100-летие Алексея Кузьмича Югова и 90-летие библиотеки.

За свою 90-летнюю историю библиотека не раз меняла свое название, адрес, переживала и более тяжелые времена, но всегда оставалась лидером библиотек области. Позвольте напомнить: в 1991 году на основании решения исполкома Курганского областного совета народных депутатов от 13 марта за номером 64 Курганская областная библиотека была переименована в Курганскую областную универсальную научную библиотеку им. Алексея Кузьмича Югова. И теперь с гордостью носит это имя. Давайте оглянемся назад и посмотрим, что же было сделано библиотекой за это время.

Бурные 90-е, слом государственной машины, перестройка, демократия. Время, когда по-старому уже не жили, а как жить по-новому, было неясно. Пустился в свободное плавание и наш библиотечный корабль. Мы не были пассивны, принимали перемены, не боялись нового.

Чутко реагируя на изменения, происходящие в обществе, менялась и структура библиотеки. Для развития библиотеки и новых

направлений деятельности в течение десяти лет образовано 14 новых отделов, секторов, центров. Назову некоторые из них: сектор редкой книги и отдел маркетинга, сектор ксерокопирования и студия звукозаписи, отдел автоматизации и центр правовой информации, отдел «абонемент» реорганизован в «залоговый абонемент» и т. д.

Сегодня в библиотеке пользователя обслуживают 29 отделов и секторов. Из года в год росла востребованность библиотеки, в читальных залах все чаще стали появляться таблички «Извините, свободных мест нет!» Об этом же наглядно свидетельствуют и цифры. За 10 лет количество читателей библиотеки выросло на 10 тыс. посещений, книговыдача – на 170 тыс. экз. книг. Сегодня для 50 тыс. читателей библиотека стала необходимым информационным, образовательным, культурным и досуговым центром. Каждый день более 800 жителей города и области приходят в библиотеку за книгой, информацией для общения.

На сегодняшний день областная библиотека им. А. К. Югова, или – как все чаще слышим от читателей – «Юговка», остается одной из крупнейших библиотек Зауралья. Универсальные по содержанию фонды насчитывают около двух с половиной миллионов различных видов документов, в т. ч. 630 тыс. экз. книг, 8 тыс. комплектов газет, 29 тыс. комплектов журналов, 29 тыс. нотных изданий, 8 тыс. грампластинок, около тысячи новых носителей информации. Предмет особой нашей гордости – патентный фонд, комплектуемый с 1944 года, и фонд редких и ценных изданий (около 2 тыс.), который представлен книгами 18, 19, 20-х веков. Среди них - прижизненные и первые издания классиков русской литературы, богословские книги, среди которых уникальная библия 1802 года из Верхотеченского монастыря, собрание литературы на иностранных языках.

Фонды библиотеки доступны всем жителям области. В рамках проекта «Сокровища Юговки» с 1997 года организуются передвижные книжные выставки ценных и редких изданий по районам области. Жители Мишкино, Мокроусово, Лебяжья, Макушино и Петухово познакомились с изданиями 19-го века, книгами периода революции и гражданской войны, факсимильными изданиями, книгами-миниатюрами.

Итоги минувшего десятилетия показали и негативные результаты: нельзя не вспомнить о сложившейся финансовой ситуации, которая сейчас позволяет сосредоточиться только на приобретении минимума необходимых изданий. Сегодня мы приобретаем в семь раз меньше литературы, чем десять лет назад (3 тыс. экз.). Если две с половиной тысячи названий газет и журналов библиотека выписывала в 1991 году, то в 2001 году – всего 422. При том, что выдача периодики составляет 25%. Ввиду отсутствия средств библиотека не в состоянии подписаться на научные издания, необходимые для развития научного и промышленного потенциала региона, не говоря уже о книгах и электронных носителях.

В связи с этой ситуацией в 2001 году библиотекой подготовлен материал для слушания на заседании областной Думы «Формирование библиотечных фондов: проблемы и пути решения».

В течение последних 6 лет не решена проблема платного обязательного экземпляра документов Центрального коллектора научных библиотек. Минимальная стоимость договора – 200 тыс. рублей. В нынешнем положении, когда фонды библиотеки находятся под угрозой истощения, невозможно соответствовать статусу областной универсальной научной библиотеки и все труднее выполнять миссию основного фондохранилища региона.

Но библиотека находит способы пополнять фонды. В приобретении литературы библиотека использует различные источники. Во-первых, результативно работает с институтом «Открытое общество» по Мегaproекту «Пушкинская библиотека: книги для российских библиотек». Только в 2001 году по этому проекту получено 635 лучших отечественных изданий. В качестве регионального библиотечного центра библиотека возглавляет реализацию этого проекта в области: сформировала заказы на книжную продукцию через Мегaproект «Пушкинская библиотека» для десяти централизованных библиотечных систем, кроме того, 15 ЦБС был сделан заказ в количестве 35 комплектов по благотворительной акции «Сельская библиотека». Плодотворное сотрудничество с институтом «Открытое общество» фонда Сороса продолжается.

Частично пополняется фонд изданиями, переданными в дар. В течение трех последних лет поступило около 2 тыс. документов от Российского гуманитарного фонда, Библиотеки Конгресса США, Российского Христианского Гуманитарного Института, Посольства Франции, организаций и частных лиц. Мы благодарны ученым, писателям, поэтам Зауралья, общественным организациям, читателям библиотеки, всем, кто находит возможность Оказать помощь библиотеке.

Общий подъем краеведения в стране наполняет новым содержанием краеведческую деятельность библиотеки. С 1998 года ведется работа по созданию Свода книжных памятников. На совещании Российской государственной библиотеки «Концептуальные подходы к созданию общероссийского Свода книжных памятников» заслуживающим внимания признан опыт работы областной универсальной научной библиотеки им. А. К. Югова как регионального методического центра по созданию Свода книжных памятников. Библиотека – активный член краеведческого движения «Царево городище», второй год при библиотеке ежемесячно проводятся заседания Зауральского отделения генеалогического общества.

Ежегодно в библиотеке проводятся научно-практические конференции. Вот немного хронологии:

1993 год – НПК «В. П. Бирюков – ученый, писатель, краевед»;

1994 год – «Зауралье в годы Великой Отечественной войны»;

1995 год – вечер, посвященный 100-летию Т. С. Мальцева;

1998 год – участие в конференции «Культура Зауралья»;

1999 год – «Пушкин и декабристы».

Внедрение новых информационных технологий обеспечивает эффективный доступ к краеведческой информации. База данных «Край» – ценнейший источник информации о литературе, освещающей жизнь области в разных аспектах.

Краеведческая издательская деятельность библиотеки – одно из её важных направлений. Издания библиотеки – это её память, её успехи, её достижения. Прочное место в системе краеведческих пособий заняли универсальные текущие указатели «Литература о Курганской области», которые издаются с 1976 года. Издаётся серия

указателей «Писатели и учёные Зауралья». В ней вышли пособия «Писатель-патриот» (к 95-летию Алексея Кузьмича Югова, 1996), «Народный академик Т. С. Мальцев», указатели, посвящённые писателям В. Потанину, С. Васильеву и др. Указатель «Край Зауральский», изданный к 50-летию Курганской области, получил высокую оценку в профессиональной прессе, назван «лучшим образцом универсальных рекомендательных краеведческих библиографических пособий». Ежегодно в течение 10 последних лет выходит «Календарь знаменательных и памятных дат. Курганская область».

Значительным разнообразием отличаются пособия в помощь эстетическому воспитанию. Это пособия о культуре области. Среди них «Художественные промыслы Зауралья», «Искусство Зауралья», «Развитие библиотечного дела в области». Библиографы-краеведы постоянно принимают участие в составлении региональных указателей «История Урала», «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги (18-й в. – 1917 год)» и др.

Статусу библиотеки – научная – отвечает и проведение научно-исследовательской работы. В 1996 году высокую оценку специалистов Российской Национальной библиотеки получили материалы к «Справочнику по исторически ценному немецкому фонду», подготовленные сотрудниками нашей библиотеки. Сегодня ведётся работа по выявлению и изучению фонда старопечатных книг на иностранных языках до 1830 года (выявлено 147 экз.), книг краеведческих дореволюционных изданий. Описан и изучен фонд краеведческой литературы 19-го – начала 20-го века, составлена топографическая картотека, уникальная по своей научной значимости.

В 1995 году работа областной библиотеки им. Югова как научного учреждения включена в сборник института экономики Уральского отделения РАН «Наука и её определяющая роль в социально-экономическом развитии региона». В 2000 году Проект «Память Зауралья» стал лауреатом областного конкурса на проведение научных исследований (выигран грант Губернатора – 25 тыс. рублей).

Удовлетворение информационных потребностей сегодняшнего и завтрашнего пользователя, безусловно, связано с развитием новых информационных технологий. В 1992 году в библиотеке появились первые компьютеры – 2 машины. Сегодня их 27. Создана локальная вычислительная сеть, успешно осваиваются программные продукты. В 1998 году с подключением к Интернет библиотека вышла на новый уровень общения. Только в течение 2001 года с помощью сети Интернет выполнено более 1,5 тысяч запросов пользователей. Электронный каталог, создающийся с 1993 года, содержит более 110 тыс. записей. Из 16 тыс. справок, выполняемых отделами библиотеки, каждая пятая выполняется с помощью электронных носителей. Завершена работа по созданию собственного сайта. Теперь в Интернете есть web-страница «Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова».

На данный момент можно уверенно говорить о стратегии развития библиотеки, и здесь определяются следующие приоритеты: это участие в федеральной целевой программе «Культура России 2002» с темой «Зауральская дореволюционная книга».

Свободному распространению информации будут служить проекты «Создание информационной региональной и федеральной сети на базе компьютеризации библиотек области», «Ретроконверсия каталогов», «Формирование патентно-информационного пространства в регионе». Общая сумма финансовой поддержки этих проектов составила 300 тыс. рублей. Работая над проектами, мы стремимся реализовать право граждан получать услуги по полной программе, «здесь и сейчас».

В рамках программы модернизации народного образования, утвержденной правительством, возрастает значимость библиотеки. 45% читателей библиотеки – в возрасте до 24 лет. Наша библиотека действует как канал непрерывного образования, обеспечивает учебный процесс, содействует развитию чтения. По результатам исследования «Роль областной библиотеки им. Югова в образовании и обучении» выявлены основные мотивы обращения студентов в библиотеку, их информационные потребности.

На основе собственной базы данных «Педагогика» с общим объемом записей более 4 тыс., формируется в течение последних

трех лет содержание журнала «Педагогическая наука и образование. Опыт. Проблемы. Инновации», всего подготовлено 11 выпусков, а демонстрационная версия этого журнала стала основной составляющей информационного «Портала» ГлавУО.

В библиотеке создается комплекс дополнительного языкового образования на основе компьютерных технологий. Дни абитуриента, день знаний, дни славянской письменности и культуры, юбилейные даты – вот далеко не полный перечень мероприятий, которые проводятся в библиотеке из года в год.

В городе есть концертный зал, художественный музей, но устраивать персональные выставки в стенах областной библиотеки становится престижным. В библиотеке практически создана малая галерея художников студии «Колорит», в гуманитарном читальном зале презентации выставок профессиональных художников стали доброй традицией. Презентации новых книг, журналов, встречи с интересными людьми в клубе «Горожанка», яркие, запоминающиеся вечера в «Музыкальной гостиной» – все это говорит о том, что библиотека – культурный центр области.

Изменения последних лет в стране и библиотечном деле, в частности, коснулись и методической деятельности библиотеки как регионального научно-исследовательского центра. Здесь вырабатываются концепции развития библиотек, их модернизации, анализируются инновационные процессы. В 1993 году методический отдел был переименован в отдел прогнозирования и развития библиотечного дела. И такое изменение было правомерно. Сохранив за собой методические функции, отдел начал активно вводить программно-целевое планирование: реализовать целевые программы «Семья», «Возрождение», «Фонды», «Кадры». Специалистами отдела проводились мониторинга, шла разработка нормативно-правовой документации для библиотек области. С 1998 года ведется исследование: «Состояние библиотечных кадров области», которое продолжается и в 2002 году. В 1999 году проведена паспортизация всех библиотек, находящихся на территории области.

Особым фактом общественного признания библиотек стал закон «О библиотечном деле в Курганской области», принятый в декабре

1997 года, одним из основных разработчиков которого была библиотека им. Югова. Неполных пять лет действует Закон, но сейчас даже трудно себе представить жизнедеятельность библиотек без этого очень важного для нас документа. Ибо он не только гарантирует нормативно-правовое функционирование библиотек в деле предоставления информационных услуг, но и в значительной степени обеспечивает социальные гарантии библиотечным работникам. Значительно и то, что за областной универсальной научной библиотекой им. А. К. Югова утвержден статус главного государственного книгохранилища на территории Курганской области, методического, информационного, образовательного и культурного центра области.

Законотворческая деятельность библиотеки продолжается. В 2002 году подготовлен проект закона «Об административной ответственности за правонарушения в сфере библиотечного дела в Курганской области», который представлен для обсуждения профессиональной общественности.

Областные конкурсы повышают качество библиотечного обслуживания, укрепляют престиж профессии. В 1997 году был проведен конкурс целевых программ «Библиотека сегодня», 39 библиотекам предоставилась возможность продемонстрировать свои лучшие достижения, стремление к самостоятельности, поиску «своего лица». А в 1999 году было разработано Положение о ежегодном конкурсе на премию Губернатора «Библиотека года», основной целью которого является поддержка библиотечного дела на территории Курганской области. В третий раз победители конкурса будут награждаться на приеме у губернатора, посвященного Общероссийскому Дню библиотек.

Библиотека как социальный институт отражает эволюцию общества. В последние десять лет мы активно формировали положительный имидж библиотеки в глазах населения, властей, общества в целом. И редко говорили об имидже библиотеки в профессиональном библиотечном сообществе. По инициативе библиотеки им. А. К. Югова в 1997 году была создана общественная организация «Объединение библиотек», членами которой стали областные библиотеки, училище культуры и 19 централизованных

библиотечных систем области. Основной целью этой профессиональной организации является развитие библиотечного дела в области, а также повышение статуса библиотечных работников. На счету деятельности профессионального объединения работа над поправками к закону о библиотечном деле в Курганской области, правовая защита библиотечного работника, активизация деятельности библиотек по написанию истории библиотечного дела в регионе.

Удалённость от центра, затруднения выезда в командировки для повышения квалификации порождают дефицит профессионального общения. Но библиотека нашла возможность решения и этой проблемы в 2000 году. Получили поддержку и выиграли гранты на поездку два проекта, направленные в Оргкомитет 7-й международной конференции «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире. Крым-2000». В рамках проекта «Непрерывное образование библиотечных работников Курганской области: реальность и перспективы» организуются разнообразные по тематике занятия Школы руководителя, расширяют свои профессиональные знания слушатели «Школы стажиста». Для проведения занятий библиотека находит возможности приглашать ведущих специалистов, так, под руководством директора «Школы Рудомино» Натальи Викторовны Жадько проведён семинар-тренинг «Управление проектами для эффективных перемен в библиотеке», Татьяна Яковлевна Кузнецова – профессор академии переподготовки кадров и повышения квалификации (г. Москва) – обучала 47 библиографов области инновационным подходам к информационно-библиографической деятельности. Седьмой раз директор библиотеки, заслуженный работник культуры Золотых Светлана Егоровна будет участником Крымской конференции «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире. 2002». Успех деятельности библиотеки определяется не столько наличием техники, сколько работой творчески мыслящих специалистов. Сотрудники библиотеки, а их 85, работают творчески и увлечённо. Мы активны, и это главное.

И заслуженно в 1999 году библиотека награждена Почётной грамотой Курганской областной Думы и денежной премией за особый вклад в развитие культуры области.

Я рассказала только о некоторых моментах деятельности библиотеки.

Десятилетие с именем Алексея Кузьмича принесло свои положительные результаты.

Мир книги прекрасен, и всё, что имеет наша библиотека, мы храним, а чем богаты, тем щедро делимся. Как бы нам ни было тяжело, мы стремимся создать такую обстановку и такие условия, чтобы читатели приходили в «Юговку» снова и снова.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Золотых С. Е. Юговские чтения в областной универсальной научной библиотеке им. А. К. Югова.....	3
2. Серебровский В. П. Первопроходец.....	6
3. Смирнова А. А. «Язык сам собою правит».....	16
4. Федорова В. П. Мифологические мотивы и образы в романе А. К. Югова «Страшный суд».....	24
5. Шушарина И. А. Диалектная лексика в романе А. К. Югова «Страшный суд».....	34
6. Пундани В. В. Историзм Алексея Кузьмича Югова.....	38
7. Серебровская Л. В. Россия на переломе истории в творчестве Алексея Югова.....	44
8. Михашенко А. Л. Гимназические годы Алексея Югова.....	50
9. Яган И. П. Сын земли Зауральской.....	55
10. Усманов В. В. Ратоборец из Каминки.....	60
11. Белоусов А. Д. Писатель, земляк, ратоборец.....	66
12. Киричева Е. И. Документы А. К. Югова как составная часть архивного фонда Курганской области.....	71
13. Луцко О. В. Образ писателя Алексея Югова в скульптурном портрете работы В. П. Астапова в экспозиции художественного музея.....	74
14. Есина Т. В. Десять лет с именем А. К. Югова (Деятельность КОУНБ).....	79